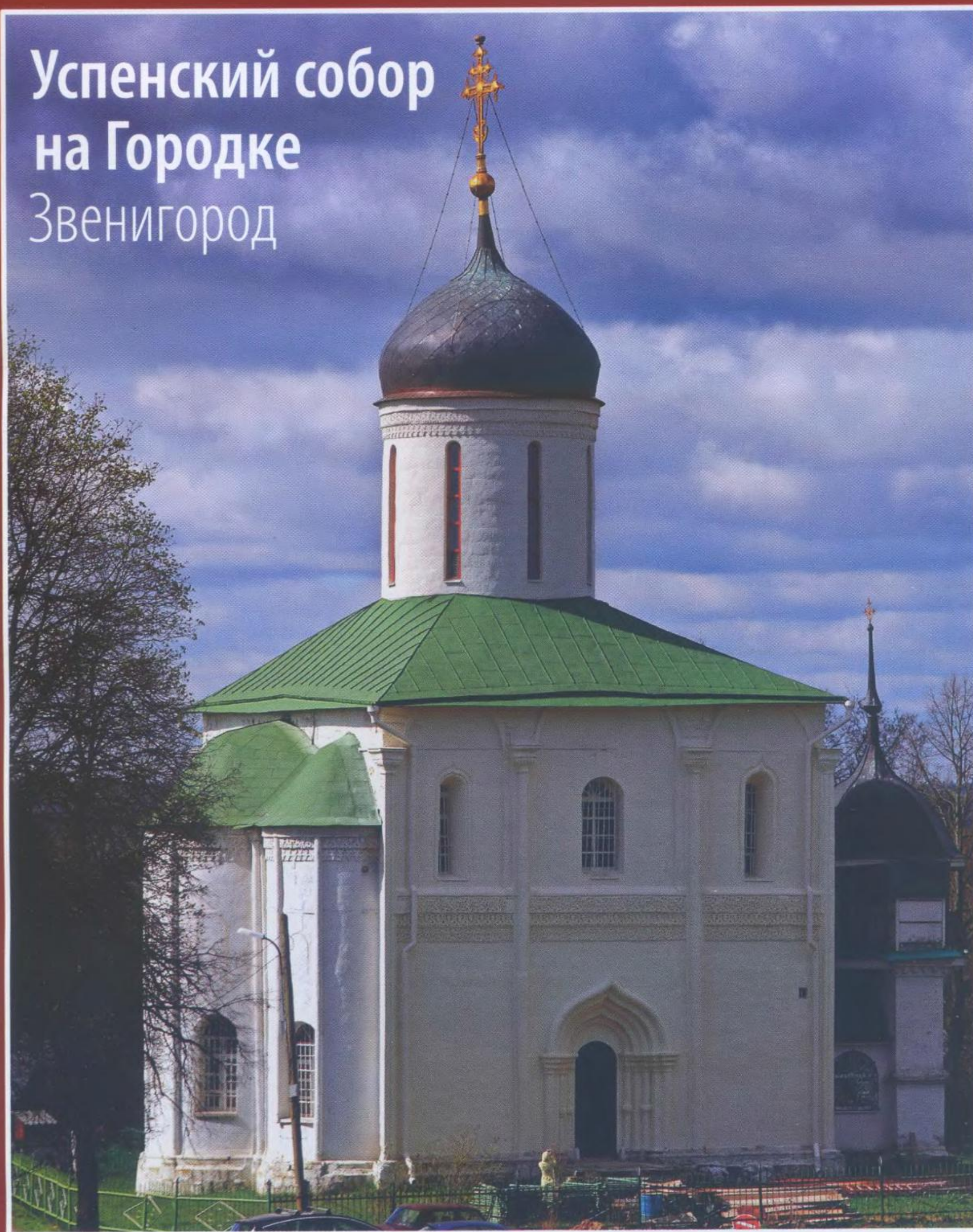
VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

Православные
Храмы
путешествие по святым местам



Успенский собор на Городке
Звенигород

№ 101

Через века

«Смилуйся, Государь!»

Облик

Тени рублевских фресок

Судьбы

Крестник преподобного Сергия

Рекомендуемая розничная цена: 79 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 18 900 бел. руб., 290 тенге

Еженедельное издание

ISSN 2304-0068



Оглавление

Эпоха

«Мистик и политик, отшельник и киновит...» 3

Рождение шедевра

На Городке 4

Через века

Соборные ветхости 6

Святыни

Звенигородский чин 10

«Икона Киевския Божия Матери...» 12

Облик

«Замечательно цельное произведение» 14

Окрестности

Звенигородье 20

Судьбы

Сын Димитриев, крестник Сергиев 26

Современная жизнь

Реставрация 30

«Православные храмы.
Путешествие по святым местам»
Выпуск № 101, 2014
Еженедельное издание

РОССИЯ
Издатель, учредитель, редакция:
ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: Россия, 105066, г. Москва,
ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Старший редактор: Дарья Клинг
Фоторедактор: Дарья Соколова
Финансовый директор: Наталия Василенко
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук
Младший менеджер по продукту: Яна Чухиль

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ru**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в России:
8-800-200-02-01
Телефон «горячей линии» для жителей Москвы:
8-495-660-02-02

Адрес для писем читателей:
Россия, 600001, г. Владимир, а/я 30, «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам». Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).

Распространение: ООО «Бурда Дистрибьюшен Сервисиз»

Свидетельство о регистрации СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-47591 от 02.12.2011

УКРАИНА
Издатель и учредитель:
ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес:
01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского, 119
Генеральный директор: Екатерина Клименко

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ua**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в Украине:
0-800-500-8-40

Адрес для писем читателей:
Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Україна, 01033, м. Київ, а/с "Де Агостіні"

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ Государственной регистрационной службы Украины КВ № 18402-7202Р от 07.12.2011

БЕЛАРУСЬ
Импортер и дистрибьютор в РБ: ООО «Росчерк», 220037, г. Минск, ул. Авангардная, 48а, литер 8/к
Тел./факс: +375 (17) 331-94-41

Телефон «горячей линии» в РБ (9:00—21:00 по будням):
+ 375 (17) 279-87-87

Адрес для писем читателей:
Республика Беларусь, 220040, г. Минск, а/я 224, ООО «Росчерк», «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «КГП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая розничная цена: 79 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 18 900 бел. руб., 290 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить розничную цену выпусков. Издатель оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ОАО «Полиграфический комплекс "Пушкинская площадь"», 109548, Россия, г. Москва, ул. Шоссейная, 4Д

Тираж: 55 600 экз.

© ООО «Де Агостини», 2012—2014

Текст: Ксения Толоконникова

ISSN 2304-0068

Дата выхода в России: 26.08.2014

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: © Николай Голиков/Фотобанк Лори; 3: (лев.) © Татьяна Белова/Фотобанк Лори, (прав.) © Fine Art/EastNews; 4: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 5: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (центр) © К. А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 6: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 7: (лев.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (прав.) © Fine Art/EastNews; 8: (лев.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (прав.) © Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей; 9: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © М. Барабанов/РИА Новости; 10: (обе) © Государственная Третьяковская галерея, Москва; 10/11: (на развороте) © Государственная Третьяковская галерея, Москва; 11/12: (обе) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 13: (верх) © Александр Капустянский/РИА Новости, (низ, обе) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 14: (верх; низ, лев.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ, центр) © Rosfoto/Profimages; 15: (центр, лев.) © Инна Kamparin/Фотобанк Лори, (верх и низ, все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 16/18: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 19: © Олег Филин; 20/23: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 24: (верх) © Сергей Виноградов/Фото ИТАР-ТАСС, (центр) © Павел Москаленко/Фотобанк Лори; 25/26: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 27: (верх) © Fine Art/EastNews, (низ) © Юрий Кирсанов/Фотобанк Лори; 28: (обе) © Fine Art/EastNews; 29: (верх и низ) © К. А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (центр) © Ю. Левянт/РИА Новости; 30: © Собор Успения на Городке, Звенигород/Фото: Юлия Авсиевич; 31: (верх) © Олег Филин, (центр и низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини».

Уважаемые читатели! Для вашего удобства рекомендуем приобретать выпуски в одном и том же киоске и заранее сообщать продавцу о вашем желании покупать следующие выпуски коллекции.

«Мистик и политик, отшельник и киновит...»

Кончина преподобного Сергия Радонежского знаменовала собой конец целого этапа в истории Русской Церкви и Русского государства.

В 1392 году отошел ко Господу преподобный Сергий. «Игуменом всея Руси» называли его. Георгий Федотов в «Святых Древней Руси» пишет о нем: «От мистики до политики огромный шаг, но преподобный Сергий сделал его, как сделал шаг от отшельничества к общежитию, отдавая свое духовное благо для братьев своих, для русской земли. Вмешательство преподобного в судьбу молодого государства московского, благословение им национального дела было, конечно, одним из оснований, почему Москва, а вслед за нею и вся Русь чтила в преподобном Сергии своего небесного покровителя... Преподобный Сергий, в еще большей мере, чем Феодосий (Печерский. — *Прим. ред.*), представляется нам выразителем русского идеала святости, несмотря на заострение обоих полярных концов ее: мистического и политического. Мистик и политик, отшельник и киновит совместились в его благодатной полноте».

▼ *Возле раки прп. Сергия в лаврском Троицком соборе никогда не бывает безлюдно.*



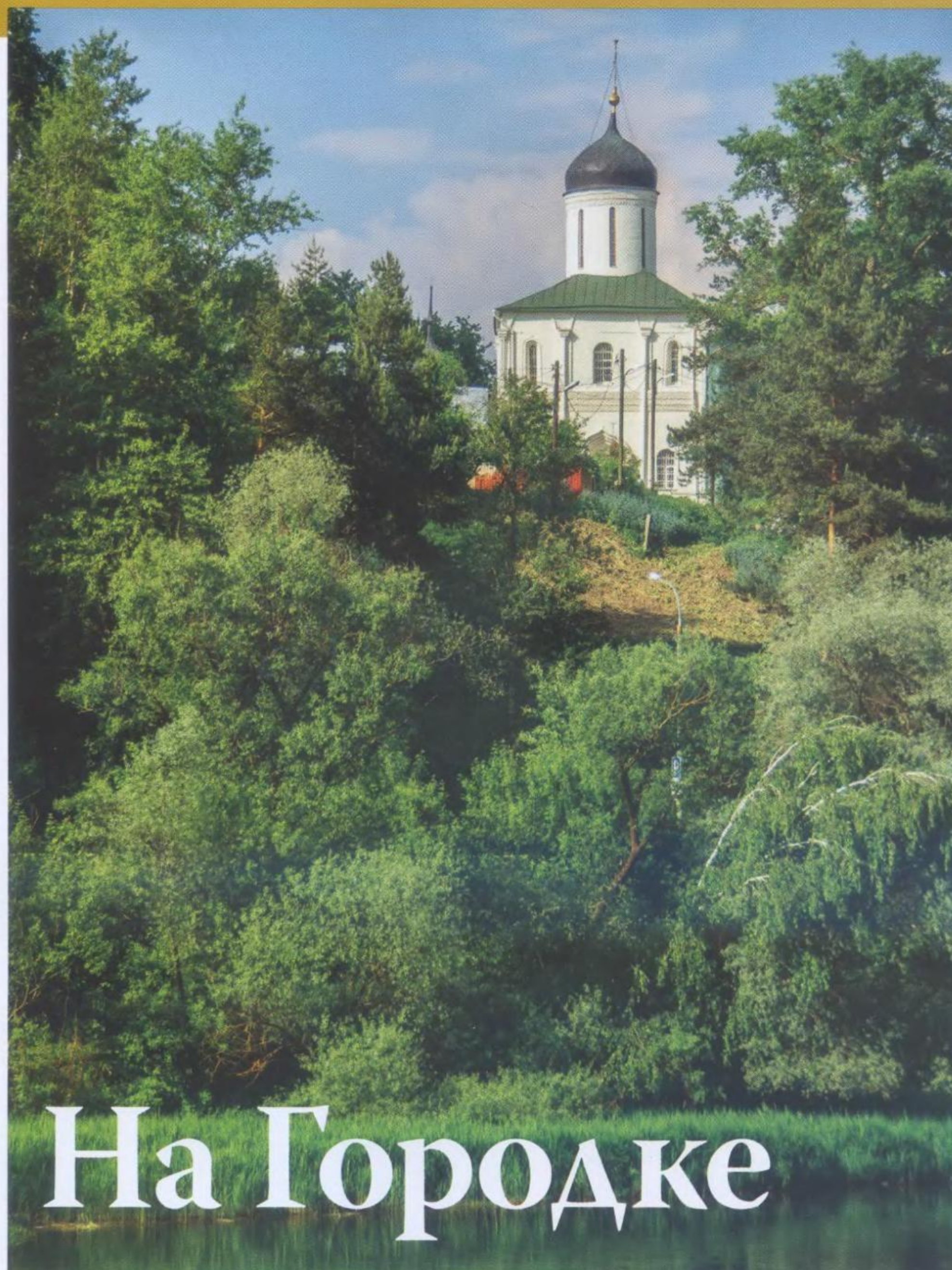
В контексте нашего повествования личность преподобного Сергия имеет особое значение. Его крестником был князь Юрий Звенигородский, заказчик строительства Успенского собора на Городке, которое к моменту кончины святого или уже началось, или вот-вот должно было начаться. Впоследствии Юрий Дмитриевич даст средства и на строительство Троицкого собора в монастыре преподобного Сергия — того самого, откуда происходит знаменитая рублевская «Троица» и где по сей день пребывают мощи «игумена всея Руси».

События эпохи

1389 Дмитрий Донской завещает Звенигород своему второму сыну Юрию.
1390-е В Звенигороде на Городке строится и расписывается Успенский собор.
1392 Кончина преподобного Сергия Радонежского.
1394 Рождение преподобного Пафнутия Боровского.
1395 Смоленск захвачен великим князем Литовским Витовтом, тестем великого князя Московского Василия Дмитриевича.
1397 Ученик и собеседник прп. Сергия Радонежского преподобный Кирилл основывает Белозерский монастырь.
1398 Войска Тамерлана вторгаются в Индию.
1399 Поход Юрия Звенигородского на булгар.
1400 Смерть Джефри Чосера, автора знаменитых «Кентерберийских рассказов».



▲ *Преподобный Сергий. Эскиз М. В. Нестерова.*



На Городке

Среди ранних памятников московского зодчества звенигородский Успенский собор — наиболее сохранный. Тем и ценен. Но вот документов, которые проливали бы свет на его первоначальную историю, не сохранилось вовсе.

Хотя первые серьезные попытки проникнуть в историю звенигородского Успенского собора относятся к концу XIX века, издавна его принято было считать памятником глубокой древности. Вопрос состоял лишь в том, насколько именно эта древность глубока.

В 1723 году в Звенигородской канцелярии случился пожар. Для нас, живущих почти двумястами годами позднее этого печального, но, в общем, ординарного события (мало ли что и когда горело в русских городах и городках; одна только Москва за свою историю несколько раз выгорала почти дотла), оно означает полную утрату всех документов, которые были бы способны пролить свет на раннюю историю звенигородского Успенского собора. Интерес к церковной старине в то время еще не распространился, и древние акты никого не занимали настолько, чтобы быть изученными. Так и получилось, что достоверных сведений, хотя бы переданных через вторые и третьи руки, об основании Успенского храма не сохранилось.

На протяжении XIX столетия заинтересованность в изучении наследия предков возрастала. Одним из объектов внимания оказался, что закономерно, и Успенский собор «на Городке» (кстати, именно тогда, в конце XIX столетия, в печати закрепился этот, столь привычный нам, топоним). И, коль скоро так, вопрос о времени его основания встал перед исследователями в полный рост. Даты предлагались самые разные, начиная с домонгольского XIII века.

Впервые приблизился к теперешней, обоснованной историческими и археологическими изысканиями, датировке архимандрит Леонид (Кавелин), читателю, возможно, знакомый своими описаниями монастырей, в том числе таких именитых, как Оптина пустынь.

В работе «Московский Звенигород и его уезд в церковно-археологическом отношении» о. Леонид писал: «Построение настоящего соборного храма в Звенигороде вернее будет относиться ко времени удельного Звенигородского князя Юрия (Георгия) Дмитриевича, второго сына великого князя Московского и всея России Дмитрия Ивановича Донского, именно к 1390-м годам; притом же известно, что князь этот один из всех удельных Звенигородских князей проживал в Звенигороде и слыл за набожного и искусного храмоздателя».

Древний Звенигород

Что же представлял собой звенигородский Городок — или, как мы бы сказали применительно к любому

другому древнерусскому городу, детинец — к моменту постройки каменного Успенского собора?

Во-первых, следует отметить, что город здесь существовал к тому времени уже несколько столетий, появившись, как подтверждают данные археологических исследований, в XII веке. Возник он, по мнению Н. Н. Воронина и И. А. Ильина («Древнее Подмосковье» (1947)), как «сторож» Владимиро-Суздальской земли. Б. А. Рыбаков, напротив, считал его пограничным укреплением Черниговского княжества.

В документах же Звенигород упоминается довольно поздно — лишь около 1336 года, когда Иван Калита завещал его своему второму сыну Ивану Красному. Следующий после этой духовной грамоты источник — летописный, повествующий о подступе к городу войска Тохтамыша в 1382 году. Насколько «удачно» подступали к Звенигороду татары — это еще вопрос. Москву они в тот раз, как известно, сожгли, а в Звенигороде археологи хотя не выявили следов пожара, но установили, что в последующее десятилетие на территории Городка была... пашня. То есть татарское разорение, и весьма основательное, по-видимому, все-таки имело место.

1389 годом обозначается начало преимущественно интересующего нас периода звенигородской истории, когда Дмитрий Донской завещал Звенигород своему сыну Юрию. Именно ему принадлежит, как согласно утверждают исследователи, честь постройки новой системы укреплений, состоявшей из земляных валов и бревенчатых стен, и белокаменных храмов — Успенского собора на территории детинца и Рождественского в Саввино-Сторожевском монастыре.

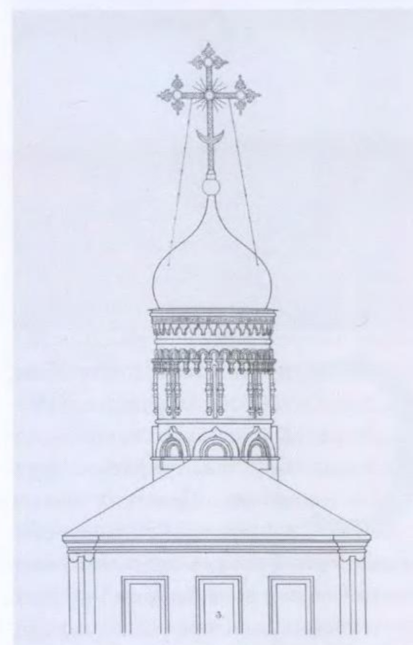
«Воздвигнут на распаханном пустыре...»

Долгое время принято было считать, что Успенский собор строился на месте и вместо существовавшего до него храма. Но это убеждение, вполне, в контексте древнерусской строительной истории, непротиворечивое, не подтверждается данными, полученными в недавнее время (А. В. Алексеев. Археологические исследования на территории Звенигородского Городка и Супоневского посада в 2008—2009 годах): «Важнейший вывод, который удалось сделать в ходе исследований, — собор построили не на княжеском дворе, как считалось ранее, и не на месте предшествовавшего храма, следы которого на территории Городка пока не обнаружены. Собор был воздвигнут на распаханном пустыре, в который превратилась древняя торгово-вечевая площадь города... Бывшая когда-то многолюдной, площадь в конце XIV века регулярно распахивалась, о чем красноречиво свидетельствуют следы борозд от плуга, хорошо видимые в слое, предшествовавшем началу каменного строительства...»

Что касается времени постройки Успенского собора, то ее, как уже говорилось, большинство авторов ограничивают 1390-ми годами. Наиболее определенно высказался в своем исследовании «Московское зодчество конца XIV и первой четверти XV столетий», где подробно рассмотрен звенигородский памятник, Б. А. Огнев. Он пишет: «Сопоставляя данные исторических изысканий и анализа уцелевших фресок и надписей-граффити внутри памятника, можно с достаточной уверенностью принять как приблизительную дату сооружения Успенского Звенигородского собора 1399—1400 годы». Согласно его же мнению, работали на Городке те самые мастера, что несколькими годами ранее выстроили в Московском Кремле по заказу княгини Евдокии (матери князя Юрия) церковь Рождества Богородицы, причем мастеров этих Огнев, указывая на совершенство каменной кладки и декора, называет «самыми передовыми и авторитетными зодчими своего времени».



▶ *Придел (по всей видимости, все-таки придел, а не что-либо иное) на хорах Успенского собора с сохранившимися фрагментами древних росписей. В. В. Филатов, исследовавший эту «камеру» в конце 1960-х — начале 1970-х годов, определенно писал о ней как о «домовой церкви княжеской семьи».*



◀ *Неоспоримое родство установлено между Успенским собором и Богородице-Рождественским храмом Московского Кремля. Однако последний сохранился в своем первоначальном виде лишь на уровне нижнего яруса (до высоты хор) и неоднократно перестраивался. Его перестроенный верх был отражен в знаменитом издании «Памятники древнего русского зодчества» (1850).*

Соборные ветхости

Бытование Успенского храма в XVII—XIX веках (а о более раннем периоде известно крайне мало) представляется непрерывной, но по большей части вялотекущей борьбой с разного рода «ветхостями», порой чрезвычайно затруднявшими — и даже прекращавшими на время — богослужебную жизнь в соборе.



◀ *Лишь самые небольшие фрагменты первоначальных фресок уцелели в Успенском соборе. Помимо сравнительно хорошо сохранившейся росписи восточных столпов, все они представляют собой лоскуты, говорящие что-то лишь специалисту.*

▶ *Иконостас Успенского собора. Д. А. Седов в «Ремонтной летописи Звенигородского Успенского собора» пишет: «В ходе изучения источников мы сделали вывод о возможности датировки иконостасной рамы последней четвертью XVII в. Состав икон иконостаса постоянно менялся, некоторые иконы могли попасть в него из других храмов. Важными вехами в изменении внешнего вида иконостаса можно считать поправки 1790—1810-х, 1837—1840-х и 1886—1887 гг.».*

Сразу после постройки, то есть на рубеже XIV—XV веков, Успенский собор был украшен фресками. Применительно к ним в общеупотребительной литературе принято говорить об авторстве Андрея Рублева, но на самом деле, как указывают искусствоведы, опираясь на стилистический анализ росписей, в Звенигороде трудилась артель мастеров, среди которых, действительно, мог быть Андрей Рублев, а также и его «старшие товарищи» — Даниил Черный, Симеон Черный и Прохор с Городца.

В убранстве собора от фресок уцелели лишь малые фрагменты, остальное было сбито со стен в ходе ремонта 1830-х годов и, судя по результатам сравнительно недавних раскопок, просто вынесено из храма и брошено поблизости.

Но помимо этого, действительно катастрофического по своим последствиям для древних фресок, ремонта Успенский собор веками стоял — из-за отсутствия средств — нетронутым. Или почти нетронутым.

Вплоть до XVI века об Успенском храме нет решительно никаких сведений. Лишь только небезызвестный нашему читателю И. М. Снегирев в середине XIX столетия сообщил нечто о соборе в контексте эпохи Ивана Грозного и Смутного времени. «Царь Иоанн Васильевич, — пишет он в третьей тетради «Русской старины в памятниках церковного и гражданского зодчества», — взял в Москву из Звенигородского собора некоторые древние иконы. В Польское нашествие этот храм утратил драгоценные вклады своих удельных Князей и Святителей; недавно только заглажены и закрашены следы его в польских письменах, начертанных на стенах храма. За этим разгромом следовал пожар...» Комментируя последнее сообщение Снегирева, современный исследователь Д. А. Седов отмечает в своей «Ремонтной летописи Звенигородского Успенского собора. XVII—XIX вв.» (к ней мы еще не раз обратимся на этих страницах): «В настоящее время сложилось убеждение, что пожара в Успенском соборе не могло быть: в его интерьерах сохранились первоначальные дубовые связи и фресковые композиции, а белокаменная кладка памятника не имеет повреждения от огня, какое есть, например, на южном фасаде Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря». Пожары могли быть, но локальные, не затрагивавшие всего здания.

Снегирев упоминает и о первом (т. е. первом постольку, поскольку о более ранних нигде не упомянуто) ремонте Успенского собора — при царе Михаиле Федоровиче. Историк





▲ *Митрополит Московский Платон (Левшин) на портрете кисти А. П. Антропова (1775). Именно этому владыке принадлежит авторство довольно жестких мер, служивших к исправлению ветхостей Успенского собора.*

строил свое повествование, скорее всего, на устных рассказах местных жителей или пользовался недоступными нам письменными источниками (что маловероятно). Во всяком случае, проверить предоставленные им данные мы не имеем возможности. Придется верить на слово.

«Идет в церковь теча великая...»

Следующее упоминание о соборе относится к середине XVII столетия, когда в соседнем Саввино-Сторожевском монастыре велось, по почину царя Алексея Михайловича, обширное строительство. Не забыл монарх и о виденном им, должно быть, не раз (в Звенигород он наезжал часто) Успенском соборе, находившемся, судя по его указанию «на соборную церковь... дати остаточную главу деревянную и чешую и кровельное дело», в плачевном состоянии.

Никаких сведений о том, была ли в итоге вычинена кровля собора, не сбереглось. Но факт монаршей заботы история сохранила.

К концу XVII века количество документов, повествующих об Успенском соборе, существенно увеличивается. Из них, пожалуй, самым важным для нас является опись, составленная подьячим Кузьмой Журавлевым (1693). Целью своей она имела выяснение необходимых поновлений («своды ветхи, разседались, и над престолом висят 4 камня, а у алтарей из стен многие камни вывалились, и левкас отстал», «глава на той церкви крыта деревянною чешуею, ветха», «в семи окнах окончины ветхи, а в восемнадцати окнах окончин нет», «колокольня деревянная рублена на шесть углов, исподния бревна огнили и верх тое колокольни столбы с шатром пошатнулись»), но, помимо того, в описи зафиксировано общее состояние внутреннего убранства собора. Особое внимание подьячий обращает на иконостас, являвшийся, как следует из описания, четырехъярусным («три пояса деисусов» и еще местные образа).



▲ *Нынешняя соборная колокольня была выстроена около 1820 года.*

Несмотря на то, что Кузьма Журавлев ответственно подошел к своей задаче и составил подробную ремонтную смету («всего на вышеписанные лесные и на железные припасы и на оконченное дело и что плотникам дать за работу надобно по смете 281 рубль 3 алтына 2 деньги»), ремонта так и не произошло, о чем свидетельствует челобитная царю Петру, составленная в 1694 году соборным протопопом Андреем. О. Андрей сообщал, что уже после визита Журавлева «колокольня, подгнив, упала».

Да и в остальном дело обстояло не лучше: «Над престолом в сводах в небе висят камение многое, летом от дождя, а зимою от слякоти идет в церковь теча великая, кровля на церкви Божии вся огнила. Великий Государь, смилуйся!»

Из следующей челобитной протопопа (1696) можно заключить, что «ветхости» в самой соборной церкви к этому времени были устранены (во всяком случае, о них не упоминается). Но вот с колокольней все обстояло не так просто. Земский староста с посадскими людьми долго отнекивались от порученной им «перемены» колокольни, особенно упирая на то, что они-де «сироты, людишка скудные и бедные». И к тому же еще ябедничали на протопопа Андрея: «Прежней, Государь, протопоп Иван Неронов строил сам, а нас, сирот твоих, к тому делу и строению не приписывал, а землею, Государь, на городе и пустошами владеет он протопоп и внаймы отдает, и ружные денги из твоей великого Государя казны берет на весь собор и церковников…»

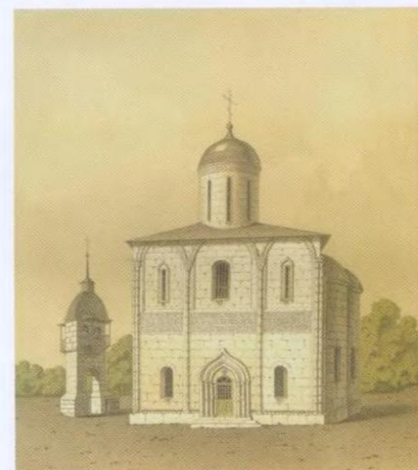
Но в Москве жалобам и кляузам посадских людей не вняли, и после очередной челобитной о. Андрея (1698) строго-настрого приказали им строить колокольню «безо всякой отговорки… а буде не построите, и вам за то быть в великом наказании».

Надо полагать, сопротивление было сломлено, и новая колокольня у собора все-таки появилась (или была каким-то образом поправлена, с устройством нового шатра, прежняя). Но бесспорных указаний на это нет. Косвенно проведение большого ремонта в Успенском соборе на рубеже XVII—XVIII столетий подтверждает выдача в собор антиминса (в 1703 году), что могло означать лишь освящение храма после серьезных ремонтных работ.

«Все згнило и отвалилось…»

Прошло несколько десятилетий, и звенигородский Успенский собор вновь оказался в том же печальном положении, что и при протопопе Андрее. Протоиерей Иаков Осипов пишет в Правительствующий Сенат: «На соборной церкви кровля и глава деревянная вся огнила, и крест на главе весьма поколебался и едва содержится, а в окнах оконницы стеклянные развалились и выпали, и сквозь своды во многих местах в летнее время идет дождевая вода… А приходских людей при соборной церкви нет и вкладчиков нет, и за нестроением в той соборной церкви ныне служба Божия отправляется с великой нуждою, потому что в летнее время в церковь в окна набивает дождем и зимою наносит снегом, и птицы в церковь таскают всякий сор…» Стиль, сообразно эпохе (а на дворе 1739 год) поменялся; суть осталась прежней. (Заметим в скобках, что бесконечные протечки и отсутствие нормальных окон, о чем упоминается и в более ранних документах, в конце концов и довели соборные фрески до такого состояния, что в XIX веке, при тогдашнем уровне знаний о фресковой живописи, их оставалось только сбить.)

Бюрократическая машина скрипела два года, и лишь в 1741 году Коллегия Синода постановила «всю ту ветхость исправить» и отправила в Звенигород для составления описи



▲ *Как видно на этой литографии (1847), колокольня первоначально была отдельностоящей. А вот четырехскатную кровлю к середине XIX века собор уже получил.*

архитектора И. Мичурина. О ремонте, между тем, из последующих документов ничего не слышно. Больше того, уже после смерти о. Иакова, в 1746 году, его вдова писала в контору Синода, что, мол, еще немного, и «службу Божию отправлять будет никак невозможно». А в 1753 году в том же духе тревожил Синод новый настоятель о. Алексий Васильев, причем в ходе этих сношений выяснилось, что смету, составленную Мичуриным, синодалы затеряли. Только

после, в буквальном смысле, вопля из Звенигородской ратуши о том, что в соборе «все згнило и отвалилось» дело из Синода ушло в Московскую духовную консисторию. В консисторию оно ушло, а до Звенигорода так и не добралось. Вплоть до конца XVIII века ремонта храм не знал — за исключением южного Георгиевского придела, в скором времени, кстати говоря, упраздненного.

«Самое священнослужение бывает сопряжено с опасностью...»

Решительные меры к исправлению ветхостей Успенского собора принял лишь митрополит Платон (Левшин), управлявший Московской епархией с 1775 по 1812 год. Правда, меры эти, заключавшиеся в отделении части дохода от пустошей, доселе бывшего источником пропитания соборян, на поправку собора, причту понравиться не могли. Тем не менее с 1777 по 1813 год «пустошные суммы» исправно отчислялись на ремонт. Соборяне теперь уже не жаловались на ветхости, но, напротив, стремились продемонстрировать начальству, что все уже починено и «суммы» можно вернуть в их распоряжение. Так, в 1810 году протоиерей Василий сообщает: «Ныне... собор довольно поправлен, как то: крыша на соборе покрыта железом, иконостас вновь вызолочен, собор расписан и с наружи выбелен, пол вновь переслан».

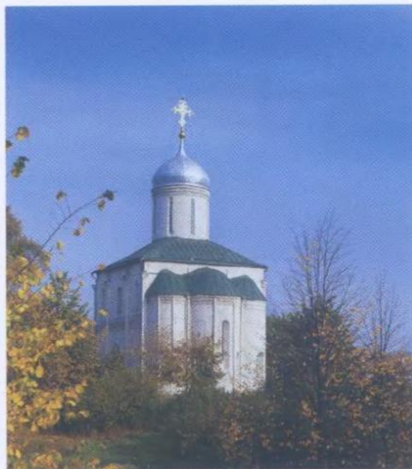
Приблизительно в 1820 году у собора появилась новая колокольня — та, которую мы видим сейчас. Правда, тогда она стояла отдельно.

К 1830-м годам крутые меры митрополита Платона подзабылись, и соборяне вновь стали жаловаться: «Ветхости в том соборе в 1831 году умножились до того, что самое священнослужение бывает сопряжено с опасностью, так что над клиросом в недавнем времени выпал камень; а на исправление оных ветхостей собор имеет суммы не более тысячи рублей». Для пополнения недостающей суммы причт решил прибегнуть к жертвованиям доброхотных дателей и просил консисторию выдать книгу для записи оных. Книгу выдали. Средства собрали. И во второй половине 1830-х годов собор подвергся серьезному ремонту — в том числе связыванию «толстыми железными оковами». Не служили в нем, отметим, уже с 1832 года (видимо, ветхости действительно представляли опасность).



▲ *Первоначальные росписи восточных столпов сохранились благодаря тому, что были закрыты иконостасом. На фото: фреска северо-восточного столпа «Явление Ангела прп. Пахомию Великому».*

▼ *В советскую эпоху Успенский собор оставался действующим (с небольшим перерывом на вторую половину 1930-х — первую половину 1940-х годов).*



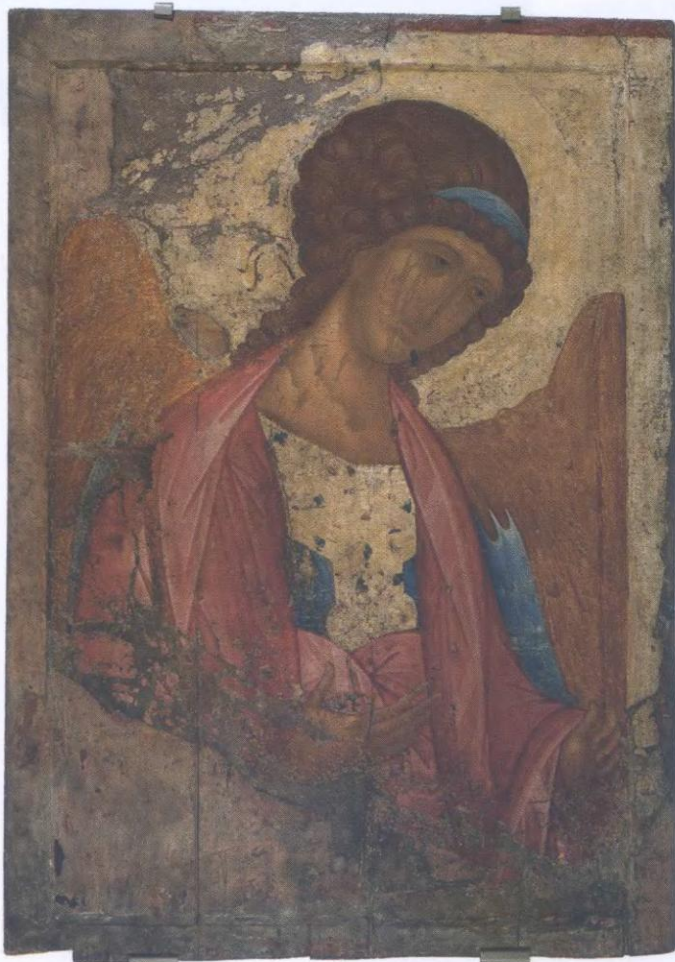
Ремонты XIX века хотя и предохранили здание от полного разрушения, в известной степени исказили его облик. Исчезли древние фрески, позакомарное покрытие кровли, были растесаны окна... Во второй половине столетия эти утраты уже осознавались многими именно как утраты. Так, посетив собор в 1866 году, епископ Дмитровский Леонид (Краснопевков) в дневнике отмечал: «Рука варвара протопопа из узких прелестных окон прошибла безобразно широкие, рука его преемника размазала стены живописью, рука третьего хочет внести печи, отчего белокаменное здание рыхлеет и рушится».

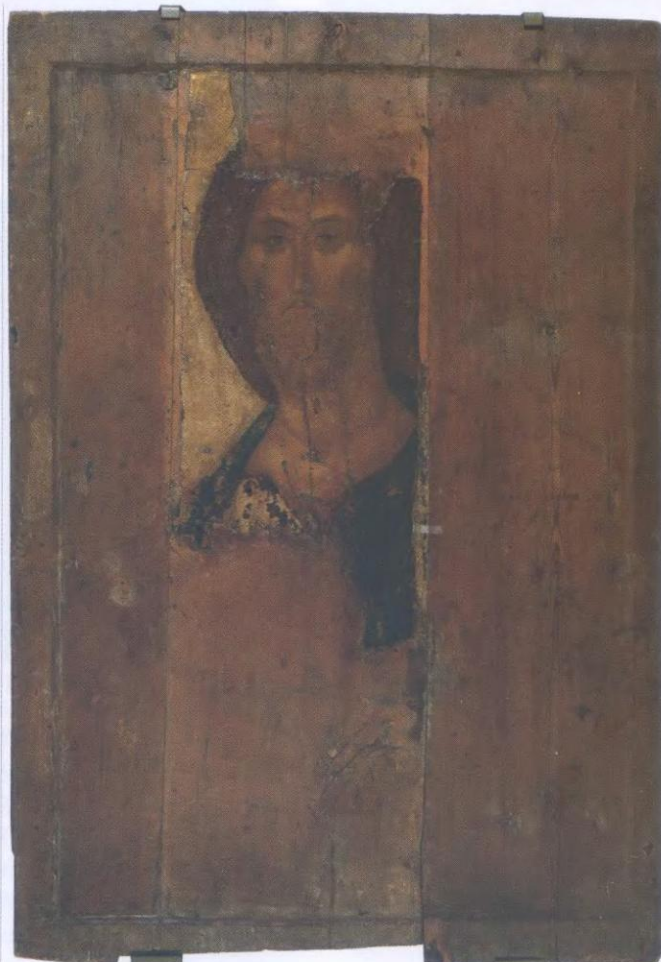
Теперь уже ремонтировать собор приходилось с оглядкой на нарождавшуюся археологическую и реставрационную науку. В 1880-е годы, в преддверии очередного поновления, в Звенигород приезжала комиссия по сохранению древних памятников, указавшая на необходимость при проведении ремонта «сохранить древность деталей». Тем не менее научная реставрация находилась тогда в поре младенческой, и первые серьезные шаги в этом направлении были предприняты только в XX столетии. Правда, и они скорее навредили фрескам — точнее, тому, что осталось от них. Но об этом позже.

Звенигородский чин

Строго говоря, святыней Успенского собора знаменитый Звенигородский чин считать нельзя — вот уже скоро сто лет, как он находится в Москве, в Третьяковской галерее, а до того иконы долго (неизвестно лишь, насколько долго) пролежали в сарае. Тем не менее, вполне возможно, что когда-то они были написаны именно для звенигородского храма.

В 1918 году в дровяном сарае близ Успенского собора участники экспедиции Центральных государственных реставрационных мастерских обнаружили три иконы, по виду весьма древние, в очень плохом состоянии. Их раскрытие — просим прощения за дурной каламбур — обернулось историческим открытием. Иконы — Спасителя, Архангела Михаила и апостола Павла — отмечены высоким мастерством. И. Э. Грабарь определил их как принадлежащие кисти Андрея Рублева. Документальных подтверждений такой атрибуции, конечно, не найти, но сопоставление Звенигородского чина (такое общее наименование получили три иконы из дровяного сарая) с несомненными произведениями древнерусского иконописца, прежде всего с «Троицей» из Лавры и фресками Успенского собора Владимира, убеждало лучше всякой документации. И в дальнейшем точка зрения Грабаря на Звенигородский чин





практически не оспаривалась, будучи принята большинством исследователей памятника.

Вопрос происхождения

В искусствоведческой литературе не раз высказывалась мысль, что происхождение Звенигородского чина именно из Успенского собора сомнительно. «Одним из аргументов против происхождения чина из Успенского собора, — указывает Д.А. Седов в статье «Новые сведения из истории Звенигородского чина», — является несоразмерность высоты сохранившихся икон и расстояния между гнездами от тябел первоначального иконостаса, расположенных на северной и южной стенах храма. Расстояние между тяблами превышает высоту икон на 10—12 см».

Но далее исследователь отмечает: «В ноябре 2010 года с целью обмеров гнезд тябел нами специально были вынуты иконы нынешнего иконостаса. При обмерах Г.С. Евдокимов обнаружил, что система крепления тябел намного сложнее, чем представлялось ранее. Так, им были найдены дополнительные гнезда, расположенные восточнее уже известных — как на южной и северной стенах, так и на противоположных им гранях восточных алтарных столпов. Нет сомнения, что они относятся к первоначальному иконостасу, однако назначение их пока непонятно. К тому же несовпадение высоты икон и расстояния между тяблами не обязательно должны противоречить друг другу, поскольку в тяблах могли быть устроены специальные карманы для крепления икон. Намного сложнее было бы говорить о происхождении чина из Успенского собора, если бы расстояние между тяблами было меньше высоты образов чина».



Забытая икона

Считается, что Звенигородский чин имел первоначально в своем составе семь или девять икон (в цитированной выше статье делается предположение, достаточно обоснованное, что икон все-таки было девять).

Важно отметить, что, увозя из Успенского собора ныне известные нам иконы Звенигородского чина, реставраторы не заметили еще одной относившейся к нему иконы. Это и неудивительно. От первоначального образа осталась, фактически, лишь основа, доска. Но доска подлинная. Речь идет об иконе Иоанна Предтечи, по сей день находящейся в соборе — на западной стене, по левую руку от входа. О.В. Лелекова в статье «Новые данные о рублевской живописи в Звенигороде» (2008) говорит: «Сомнений нет в том, что икона первоначально была частью приписываемого Андрею Рублеву знаменитого Звенигородского деисуса: размеры

◄ *Иконы Звенигородского чина. В центре: «Спас». Центральная икона Звенигородского чина. Датируется чин очень широко — 1400—1425 годами. Сторонники поздней датировки предполагают, что Рублев мог исполнить иконы Звенигородского чина в то время, когда работал над иконами Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. Слева: «Архангел Михаил». Справа: «Апостол Павел».*



▲ *Эта икона («Иоанн Предтеча») когда-то тоже была частью Звенигородского чина. Но в XVIII веке ее переписали, причем настолько основательно, что первоначальная живопись не сохранилась.*

досок, расположение шпонок, характер паволоки на сохранившихся трех иконах из Звенигородского деисуса („Спас“, „Апостол Павел“ и „Архангел Михаил“) и на исследуемой иконе с изображением Иоанна Предтечи из звенигородского Успенского собора совпадают, что не может быть случайным».

Увы, икона Иоанна Крестителя не сохранила ни одного сантиметра изначальной (то есть, как предполагается, рублевской) живописи. Очевидно, уже к XVIII столетию образ пришел в совершенную ветхость, и с доски при поновлении был снят красочный слой вместе с грунтом, а Иоанна Предтечу написали не так, как это единственно возможно в контексте деисиса — в трехчетвертном повороте, — а прямо, «анфас», что может служить дополнительным указанием на то, что деисусный чин к тому времени уже не существовал как единое целое.

Впоследствии икону поновляли еще не раз. Ее верхний слой — масляная живопись XIX века, так что, повторимся, нет ничего странного в том, что участники экспедиции 1918 года «не узнали» ее.

«Икона Киевския Божия Матери...»

Список с Киево-Братской иконы Божией Матери, пребывающий ныне в Успенском соборе, древним не назовешь, но именно через него Пресвятая Богородица благоволила явить Свою милость жителям Звенигорода и его окрестностей.



▲ *Сейчас Киево-Братская икона Божией Матери украшена серебряной ризой, пожертвованной благотворителем храма, и находится в резном дубовом киоте.*

С момента второго открытия Успенского собора в 1946 году в нем находится почитаемая в Звенигороде и его окрестностях Киево-Братская икона Божией Матери. Вернее, список с нее. Первоначальный образ, хранившийся, как видно из названия образа, в киевском Братском монастыре, в советские годы бесследно исчез.

Что касается пребывающего в Успенском соборе списка, то он имеет происхождение, судя по всему, местное и довольно позднее, будучи принесен в Звенигород из Троицкого храма села Козина Звенигородского уезда. Троицкий храм владельцы села Цыммермановы построили в 1811 году, но еще в описи храмового имущества за 1814 год Киево-Братская икона не значится. Самое первое упоминание о ней отстоит от времени постройки храма на двадцать с лишком лет. Это запись в дневнике графа В. Д. Олсуфьева от 9 июля 1832 года: «Ездил с женой в Козино, ходил в церковь смотреть и помолиться образу, от которого было исцеление». Граф приехал в Козино, что называется, «по свежим следам». Исцеления от иконы, как впоследствии, в 1887 году, рассказывал приехавшему из Москвы сотруднику Археологического общества священник Николай Беляев, происходили именно с 1832 года.

Согласно местному преданию, прославление иконы произошло следующим образом. Слепая старушка, жительница села Козина, увидела во сне Божию Матерь, повелевшую сказать священнику Троицкой церкви, чтобы он нашел на колокольне Ее образ, перенес его в храм и отслужил молебен перед ним. Икону обнаружили, молебен отслужили, старушка прозрела. И, как водится, ко вновь открывшемуся источнику милосердия Царицы Небесной устремились страждущие.



Советские бронебойщики выходят на огневую позицию в районе Звенигорода. Город немцы так и не смогли взять. Местные жители приписывали их неудачу не только мужеству наших войск, но и заступничеству Пресвятой Богородицы.

«На ней риза и венец...»

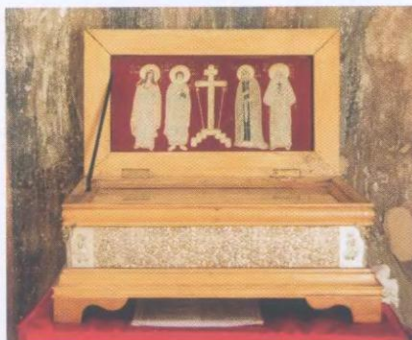
В описи Троицкой церкви 1856 года Киево-Братская икона уже не просто упоминается, но подробно представлена — со всеми пожертвованиями усердных богомольцев, сделанными за минувшие годы: «Икона Киевския Божия Матери, называемая Братскою, живописной работы, вышины один аршин и шесть вершков, ширины двенадцать с половиною вершков, на ней риза и венец сребро-позлащенные 84-й пробы, украшенные стразами и разноцветными, из простого стекла, камушками, весу в ризе и венце семь фунтов и восемьдесят два золотника, — на сумму сто пятьдесят рублей восемьдесят коп. серебром, полагая по двадцати коп. серебром за золотник. На сей иконе висит на серебряной, без пробы, цепочке серебрено-вызолоченный крест, также без пробы, в коем хранится часть мощей святого великомученика Феодора Стратилата».

Из этой же описи мы узнаём, что чудотворный образ помещался в иконостасе Введенского придела Троицкого храма.

Звенигород под защитой

Когда в 1932 году Троицкий храм закрыли (а затем разрушили), икону смогла унести к себе домой жительница села по имени Елизавета. Так как она была уже в преклонных летах, то вскоре ее взяла жить к себе в Звенигород дочь, Евдокия Михайловна Бабакина. Так начались странствия иконы по городским храмам. Сначала женщины отнесли ее в Александро-Невский храм. В 1939 году его закрыли, и образ перенесли в церковь Рождества Христова на Верхнем Посаде. В 1941 году отобрали у верующих и ее. Так как к тому времени действующих храмов в Звенигороде не осталось, Евдокия Михайловна забрала Киево-Братскую икону домой. Несколько лет у нее собирались верующие люди, и, таким образом, простой мещанский домик стал своего рода подпольной церковью.

Рассказывают, что в 1941 году, когда на подступах к Звенигороду шли ожесточенные бои, местные жители молились перед Киево-Братским образом об избавлении от врагов, носили икону по улицам. Звенигород, как известно, занят фашистами не был, что верующие определенно связывали с заступничеством Пресвятой Богородицы.



Ковчег с частицами мощей у юго-восточного столпа.

В 1946 году, как уже говорилось, православной общине удалось добиться открытия Успенского собора на Городке. С тех пор икона пребывает здесь, привлекая к себе множество богомольцев.

130 святынь

Перед иконостасом храма, возле северо-восточного и юго-восточного столпов, находятся два ковчежца со святыми мощами угодников Божиих и иными реликвиями. Преимущественно это мощи русских святых и частицы реликвий, связанных с ними (например, часть гроба свт. Тихона, Патриарха Московского, часть мантии прп. Серафима Саровского и т. п.), но есть и частицы мощей общеправославных святых — вмч. Феодора Стратилата, мц. Татианы, вмч. Пантелеимона и других. Кроме того, содержатся в мощевиках и святыни, приближающие нас к земной жизни Спасителя — часть Ризы Господней, камень с горы Фавор, камень от Гроба Господня.



Ковчег с частицами мощей у северо-восточного столпа.

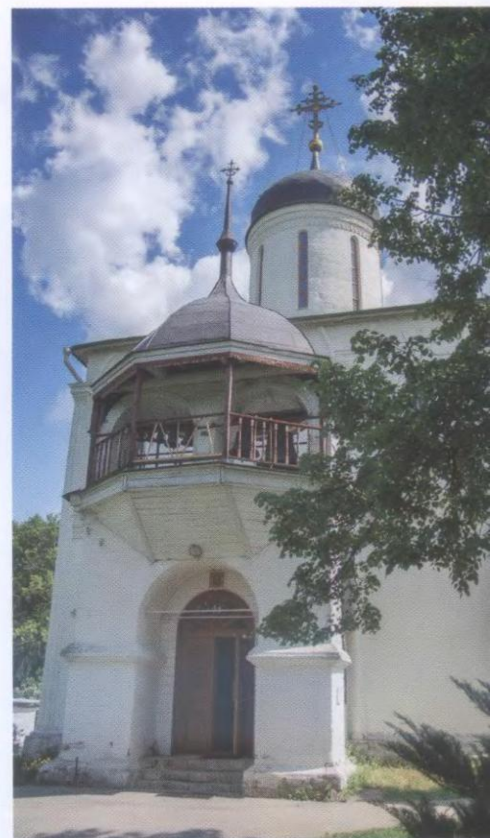
«Замечательно цельное произведение»

Снаружи

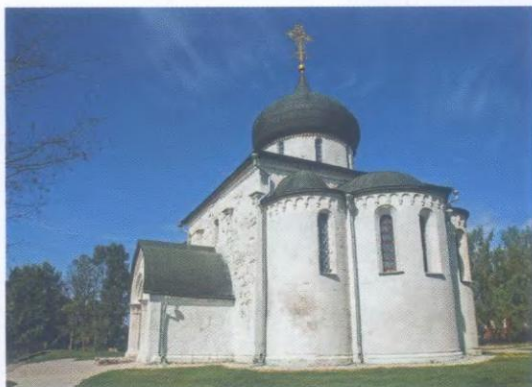
Внешность Успенского собора явственно напоминает хрестоматийно-знакомые образы одноглавых церквей Владимиро-Суздальской Руси — храма Покрова на Нерли, Димитриевского собора во Владимире, Георгиевского в Юрьеве-Польском. Все они строились еще до монголо-татарского нашествия. Потом каменное строительство надолго остановилось, с тем чтобы возродиться уже в, условно говоря, московскую эпоху. Естественно стремление московских зодчих «припасть к истокам». Ближайшие «истоки» находились здесь, во Владимиро-Суздальской земле, поэтому именно здешняя архитектурная парадигма легла в основу зарождавшегося московского зодчества.

Из ранних московских памятников Успенский собор — самый сохранный. И его изучение дает основания говорить о том, что мастера «московской школы» отнюдь не были робкими учениками своих более старших владимирских коллег. Звенигородский храм — не копия владимирских церквей, хотя традиции владимиро-суздальской храмовой архитектуры и оказали на него существенное влияние.

Б. А. Огнев, автор диссертации, посвященной раннемосковскому зодчеству (к сожалению, при жизни автора она не была опубликована), посвятил в конце 1940-х — начале 1950-х годов несколько лет именно Успенскому собору. И он высоко отзывался о его строителях — увы, неизвестных поименно: «Умелое сочетание внешних и внутренних форм, хорошо продуманная связь их между собою и подчинение общему замыслу говорят о мастерстве и опытности строителей, свободно ориентировавшихся в сложных вопросах композиции». И далее: «Звенигородский Успенский собор в первоначальном своем виде представлял собою замечательно цельное по замыслу и выполнению произведение талантливых русских зодчих, вполне овладевших архитектурной формой и приемами композиции».



▲ *Успенский собор принадлежит к наименее «зареставрированным» памятникам раннемосковского зодчества, а его исторические искажения (утрата закомар и растеска окон) типичны и не представляют непреодолимой преграды для взгляда исследователя.*

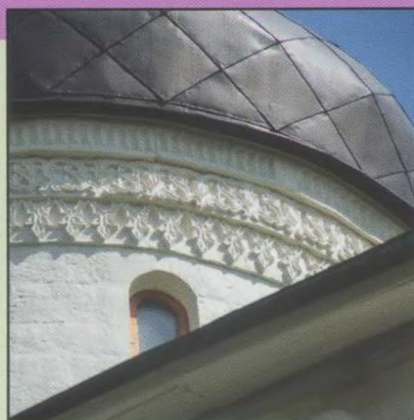


◣ *(Дальняя слева) Георгиевский собор в Юрьеве-Польском — один из белокаменных владимиро-суздальских памятников, на которые ориентировались московские мастера.*



◀ *(Слева) Более ранним памятником московского зодчества, чем звенигородский собор, является Никольский храм в Каменском. Он был построен в первой половине XIV века (в датировке этого храма историки архитектуры сильно расходятся, так что определенно его датировать невозможно), во всяком случае — до Куликовской битвы. Заметно, что каменотесная техника в данном случае не столь высока, как в случае с Успенским собором на Городке.*

Обзорная площадка





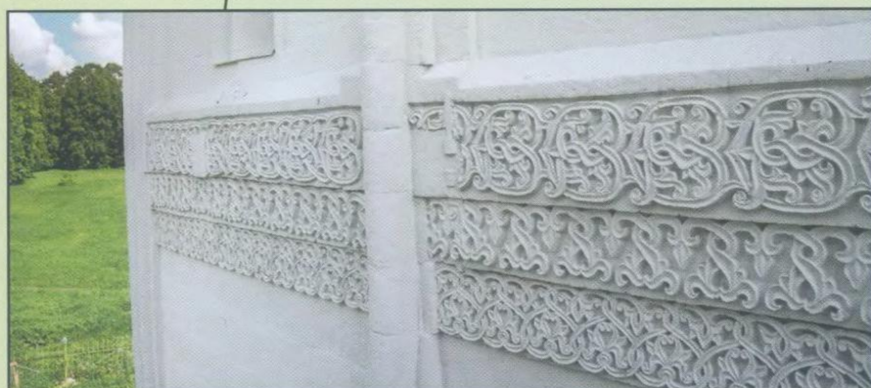


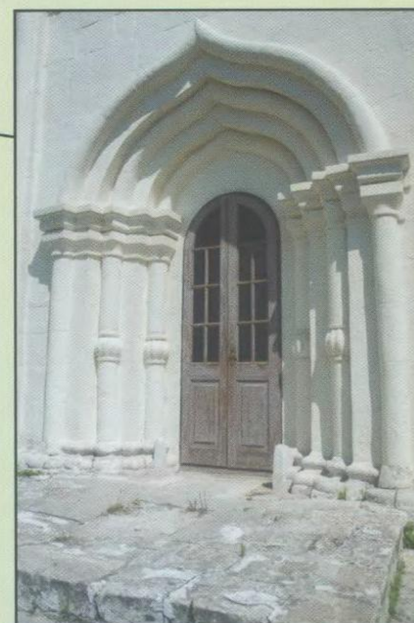
Барабан

Как и фасады, барабан украшен орнаментальным поясом, хотя и более узким. Форма главы и венчающий крест — поздние; изначально глава имела, по всей видимости, шлемовидную форму и была покрыта лемехом.

Капители

Лопатки на фасадах собора оформлены полуколонками. Капитель каждой из них, как пишет Б. А. Огнев, «представляет собой связку из призматических брусков, веерообразно расходящихся кверху, перевязанную по низу двумя кручеными жгутами, а сверху покрытую невысокой прямоугольной плитой... Импост имеет вид высокой массивной плиты... боковая его поверхность украшена резным орнаментом из овальных, заостренных кверху листьев, расположенных „в перебежку“, в три ряда друг над другом...»





Орнаментальный пояс

Южный, западный и северный фасады «обвернуты» трехъярусным орнаментальным поясом, причем резьба выполнялась, как предполагал Б. Огнев, «уже после укладки камней на место». «Резьба орнамента, — писал он, — уверенная, грани четки и остры, изгибы ветвей и цветов красиво очерчены, изобличая опытную руку мастера-резчика, прекрасно знавшего растительный орнамент и умело видоизменявшего его сообразно своему замыслу».

Порталы

Входы в собор расположены с трех доступных для этого сторон (кроме восточной) и оформлены перспективными порталами, составленными из трех полуколонок (две внутренние — с дыньками) и завершенными килевидными архивольтами. Как отмечает Б. А. Огнев, порталы «целиком должны быть отнесены к первоначальной постройке».



Успенский собор на Городке

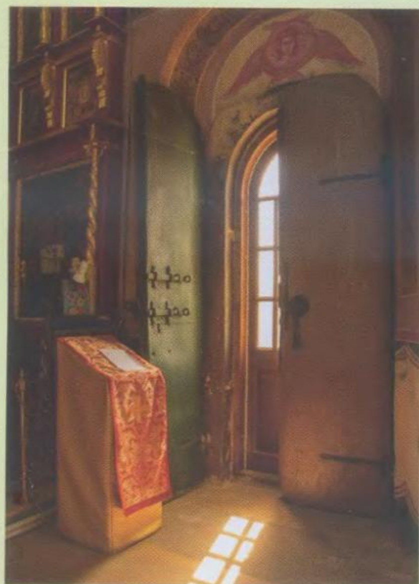
Звенигород

Внутри

УСПЕНСКИЙ СОБОР имеет внутри устройство, типичное для одноглавых крестово-купольных храмов. Важно отметить, что — как, например, и в храме Покрова на Нерли, — зодчие здесь озаботились созданием особого рода пространственной иллюзии. Изнутри храм кажется больше (и выше), чем снаружи. Это достигнуто, во-первых, за счет широко расставленных столпов (средний продольный неф шире, чем боковые), а во-вторых — за счет их сужения кверху. Благодаря подобным ухищрениям подкупольное пространство кажется просторным и высоким.

Рама соборного иконостаса, как мы уже упоминали, относится к XVII веку (хотя впоследствии не раз поновлялась). Иконы также, по большей части, XVII столетия, за исключением праздничного ряда, утраченного и написанного заново уже сравнительно недавно.

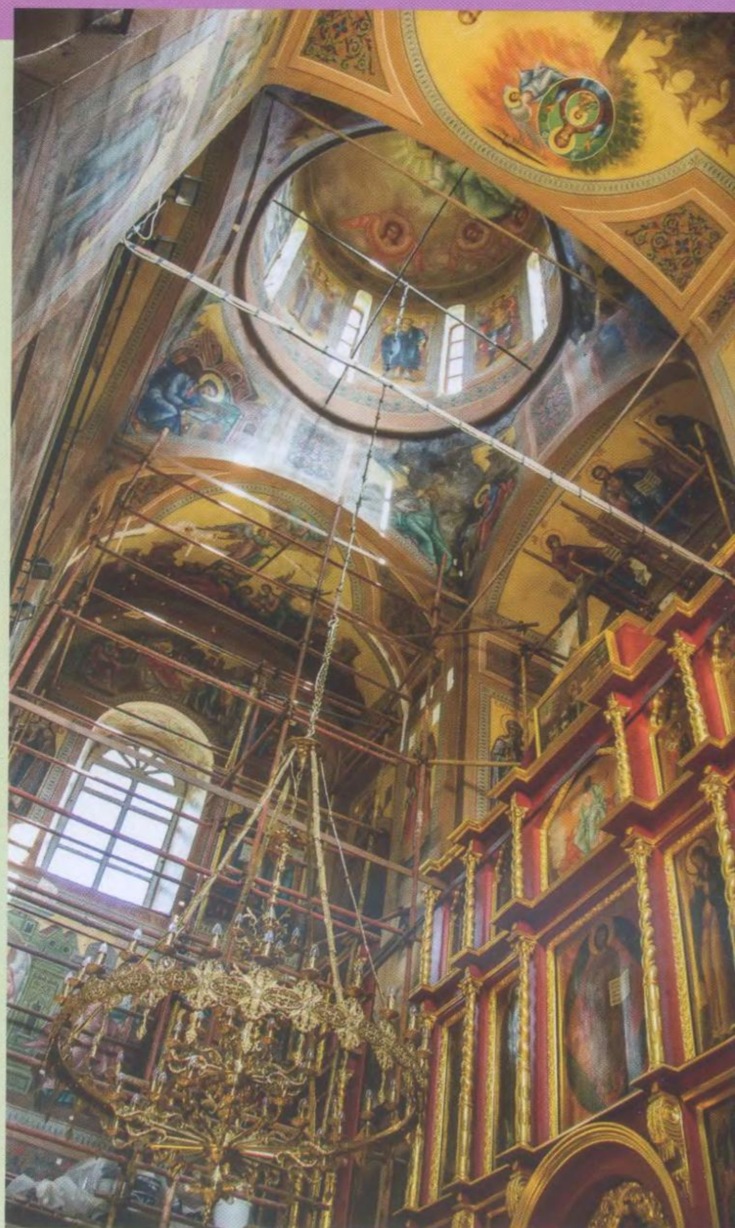
Как правило, путешественники устремляются в Звенигород, окрыляемые надеждой увидеть сохранившиеся фрески Андрея Рублева в Успенском соборе. И, увы, часто бывают разочарованы. Фрески бледны, плохо различимы, похожи на тень от самих себя. Но и в таком виде поддерживать их непросто. Причем в 1918 году, когда росписи были «освобождены» от заслонявших столпы частей иконостаса, вид они имели совсем иной, что подтверждают фотографии. Что случилось потом? Ведь, кажется, наоборот — реставрировали.



◄ *Дубовая южная дверь собора — современница его постройки.*

▼ *Фреска на юго-восточном столпе Успенского собора: «Беседа прп. Варлаама и царевича Иоасафа».*





▲ *Хотя внутри собора сейчас стоят леса, они все же не утесняют его интерьер настолько, чтобы не понять, насколько разумно, с каким тонким пониманием законов перспективы он решен.*

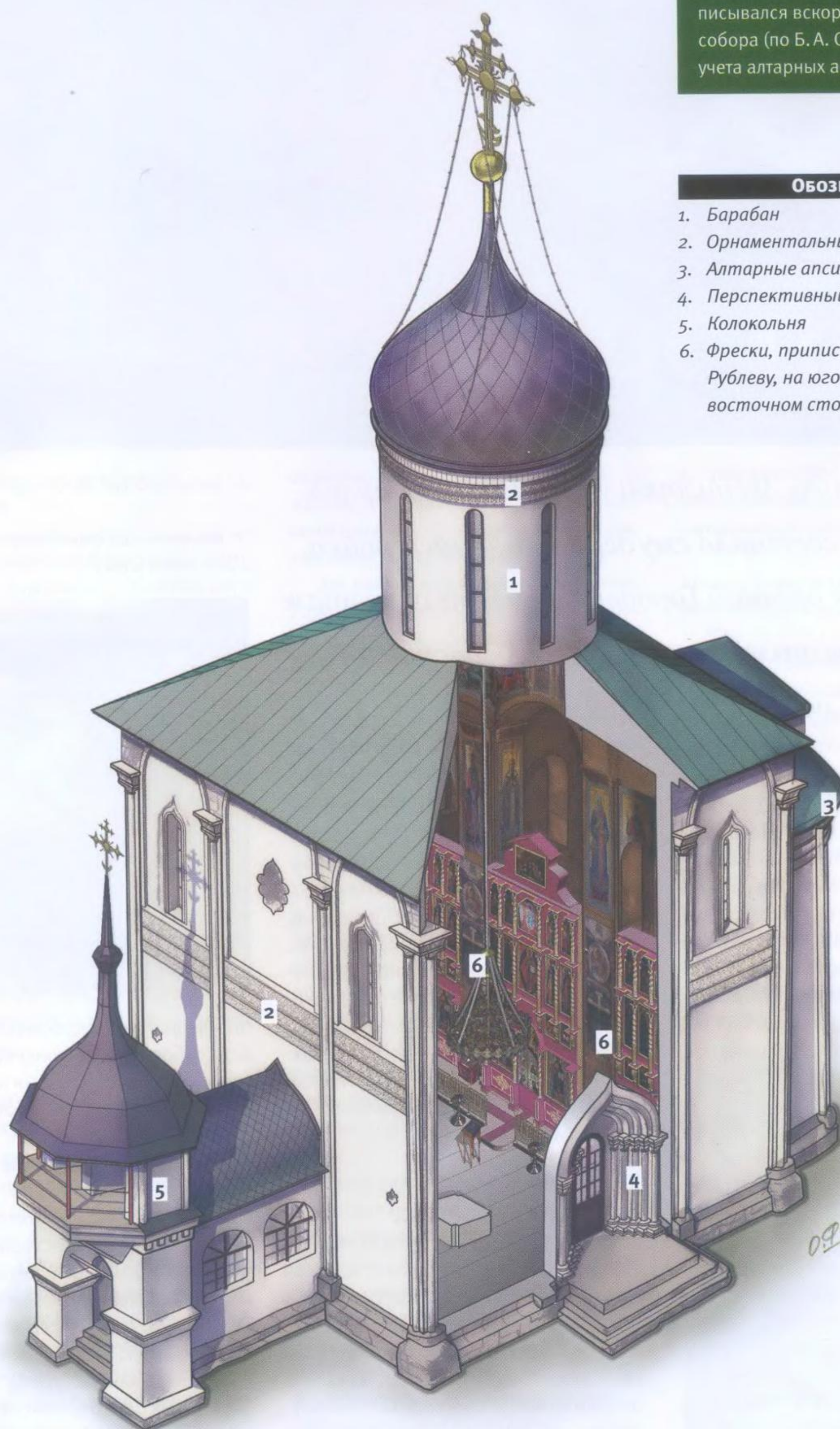
Беда, однако, в том, что реставрация реставрации рознь. Рассказывая в одном из наших прошлых выпусков о владимирском Успенском соборе, мы упомянули о том, какой вред нанесла его фрескам реставрация начала 1960-х годов. Подобным образом — с укреплением красочного слоя казеином и «задублением» формалином — реставрировались и звенигородские росписи.

«По сути, — констатирует Д. А. Седов, — подлинного красочного слоя уже нет, остались только подкладочные слои, и, следовательно, далее терять уже нечего. Данную живопись правильнее называть не фреской, а воспоминанием о фреске».

Структура храма

Цифры и факты

Собор Успения Пресвятой Богородицы на Городке строился в 1390-е годы, первоначально полностью из белого камня (известняка), расписывался вскоре после постройки. Размеры собора (по Б. А. Огневу): длина четверика без учета алтарных апсид 12,94 м, ширина 13,4 м.



Обозначения

1. *Барабан*
2. *Орнаментальный пояс*
3. *Алтарные апсиды*
4. *Перспективный портал*
5. *Колокольня*
6. *Фрески, приписываемые Андрею Рублеву, на юго-восточном и северо-восточном столпах*

Звенигородье

▲ *Звенигородский Городок. Древние валы.*

В последние годы Звенигород утрачивает очарование, которое сообщала ему деревянная застройка, обрамлявшая древний Городок. На месте одноэтажных домов с резными наличниками вырастают новые дома. Со всеми удобствами.

Звенигород. Радостное, хрустальное имя. Откуда оно? Говорят, что его могли дать новой крепости выходцы из Юго-Западной Руси, где и сейчас существуют по меньшей мере два села с таким названием (во Львовской и Тернопольской областях современной Украины), а в древности существовал и Звенигород Киевский.

Вполне вероятно. Ведь есть же два Галича — тот, который в Ивано-Франковской области, и тот, который в Костромской, Галич Мерьский, непосредственно связанный, кстати, с судьбой князя Юрия Звенигородского. Существует и другое объяснение, немного сродни народной этимологии: якобы Звенигородом город назвали благодаря сторожевому колоколу, приводившему в боевую готовность здешний гарнизон.

От славной древности звенигородской теперь почти ничего не осталось — лишь два каменных храма (на Городке и в Саввино-Сторожевском) да крепостные валы, собственно, и образующие Городок. Все другие «очаровательности» Звенигорода — гораздо более поздние и принадлежат к тому времени, когда он вел жизнь тихого уездного городка Московской губернии, похожего, по воспоминаниям современников, более на село, чем на город.

Храм Богоявления Господня на Городке

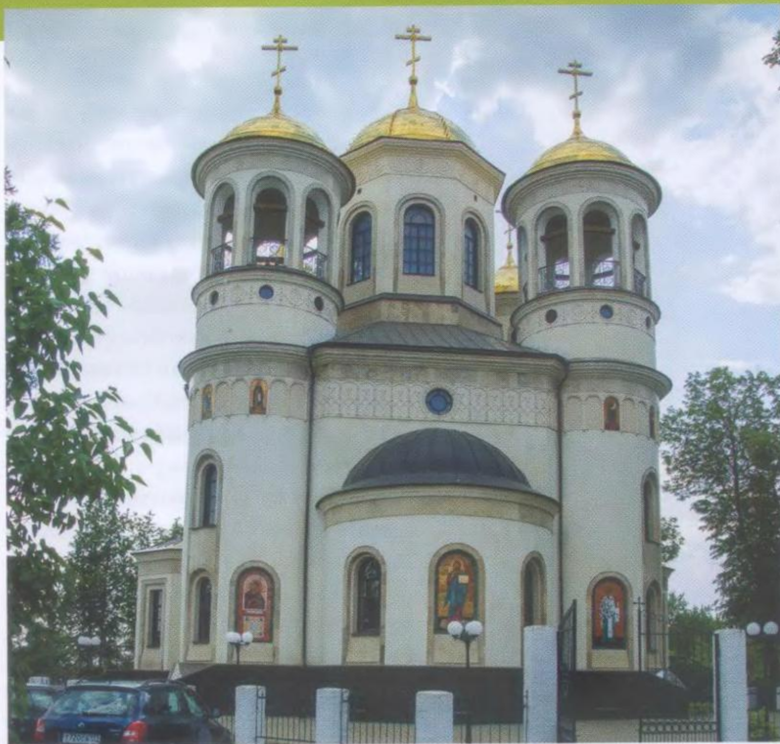
Успенский собор на Городке возводился как неотапливаемый, но служили в нем при этом круглый год. Построить отдельную зимнюю церковь не хватало средств (их не хватало, как помнит читатель, даже на поддержание в сносном состоянии самого храма). В XIX веке у причта

▼ *Богоявленский храм (построен в 2001—2002 годах).*



появилась идея устроить печи в самом соборе, но ни священноначалие, ни Московское Археологическое общество ее не одобрило, опасаясь за сохранность памятника.

Между тем служение в Успенском соборе зимой было, как писал в 1893 году его настоятель протоиерей Иоанн Рождественский, «сопряжено с большими неудобствами и с опасностью здоровья священнослужащих». Да и «посещаемость», по его же словам, в холодное время года падала: «В зимнее время во время церковных служб богомольцев почти не бывает». Все это о. Иоанн изложил



▲ *Новый храм Вознесения Господня в Звенигороде.*



▲ *Храм Александра Невского — типичный образец псевдорусского стиля, столь популярного на рубеже XIX — XX веков.*

в своем прошении к епископу Дмитровскому Александру (Светлакову), предлагая к утверждению проект небольшой деревянной церкви.

Храм выстроили в том же 1893 году, дав ему традиционное «зимнее» посвящение — Богоявлению Господню. Простоял он недолго, сгорев в 1920-е годы (возможно, будучи подожжен кем-то из особо рьяных богоборцев). На месте алтаря устроили, как водится, общественную уборную.

В 1946 году Успенский собор вернули верующим, но, конечно, о сооружении нового зимнего храма речи тогда не шло. Построили его уже в начале 2000-х годов — на сей раз, в камне.

По Московской улице

К началу XX века — то есть к тому времени, которое мы можем сравнительно неплохо представить себе благодаря старым фотографиям, — Звенигород был небольшим городком с одно-двухэтажной застройкой, по большей части деревянной. Вверху, на горе, стоял Успенский храм. Внизу, вокруг Московской улицы, шла неторопливая — мы бы сказали мещанская, если бы это слово не получило неопределенно-стыдливой окраски в минувшем столетии, — жизнь. В начале улицы — Вознесенский храм (1792), в конце — Александро-Невский (1898—1902).

До самой недавней поры Звенигород сохранял свой органически сложившийся облик. Он не застил неба высокими зданиями, он «сквозил» — чуть не с любой точки видны были окрестные поля, серебряный пояс реки. На наших глазах все стремительно меняется. Горизонт со всех сторон скрывают многоэтажные дома с зазывными объявлениями, в самом центре вырастают торговые центры и «элитные малоэтажные жилые комплексы» сомнительной архитектурной ценности (и это не говоря о том, что малоэтажность в современном понимании — это пять-шесть этажей, тогда как в старом Звенигороде и трехэтажных домов было не сыскать). Вырастают, естественно, на месте деревянных столетних домов, которые как-то очень кстати в последнее время стали гореть и стремительно разрушаться.

Что же осталось? Остались храмы. Но и здесь все не так просто. Нынешний Вознесенский храм, построенный в 2007 году, значительно отличается от своего предшественника, разрушенного в 1941-м. И как-то даже неловко: вроде бы храм, да и сам по себе недурен, но, быть может (если уж говорить о Подмосковье), где-нибудь в Электростали ему было бы лучше… Где-нибудь там, где храмовое строительство, в силу исторических условий, никогда не велось и памятников старше 1950-х годов не осталось.



▶ *Один из редких образцов дореволюционной каменной застройки в Звенигороде (улица Московская). Старый Звенигород на глазах становится новым (так и слышишь бодрый голос советского диктора за кадром: «Растет и строится красавец Звенигород…»), и к сохранившимся домам, пусть даже очень скромным, пусть даже с пластиковыми стеклопакетами, испытываешь особую нежность.*



▲ *Христорождественский храм. Верхний посад.*

Верхний посад

От Вознесенского храма спустимся к мосту через Москву-реку. Там, за мостом, — находится исторический район Звенигорода, называемый Верхним посадом. Он и теперь живет обособленной жизнью, а раньше, когда не было постоянного моста (деревянный мост ставили весной по окончании ледохода, а осенью разбирали), это был вообще отдельный «городок в городке». И, естественно, он имел собственную церковь — в честь Рождества Христова.

Сначала храм был деревянным. В 1805 году он сгорел. Спустя год благодаря усердию прихожан на его месте появилась каменная церковь с тем же посвящением. Постепенно к основному объему храма пристраивались приделы, в начале XX века построили новую трапезную.

При большевиках Рождественский храм «держался» дольше всех. Закрыли его лишь в 1941 году, передав помещение фабрике игрушек (известная была фабрика; автору этих строк доводилось в нежном возрасте услаждать слух домашних дробью маленького, но очень громкого барабана, произведенного именно ею). Зданию храма все это на пользу не пошло: он лишился колокольни, купола и, конечно, креста, замененного пятиконечной звездой.

В 1997 году изуродованный храм вернули Церкви. Сейчас он верно служит домом молитвы для всех верующих жителей Верхнего посада.

Звенигород Чехова

В 1884 году А. П. Чехов окончил университет (свидетельство о его утверждении в звании уездного врача подписано Н. В. Склифосовским) и отправился на практику в Чикинскую земскую больницу, что в двух верстах от Воскресенска. Еще с 1881 года он время от времени помогал здесь принимать больных врачу П. А. Архангельскому, теперь же явился практиковать в качестве «дипломированного специалиста». «Здесь-то, — вспоминал младший брат писателя, Михаил Чехов, — он и почерпнул сюжеты для своих рассказов „Беглец", „Хирургия" и др.».

«В этом же году, в середине лета, — продолжает свои мемуары М. П. Чехов, — Антон Павлович, прихватив и меня с собой, отправился в Звенигород, уже в качестве заведующего тамошней больницей на время отпуска ее врача С. П. Успенского. Вот тут-то Антону Павловичу пришлось окунуться в самую гущу провинциальной жизни. Кроме лечения больных в земской лечебнице, он исполнял еще и должность уездного врача, уехавшего жениться, а потому обязан был выезжать с судебным следователем на вскрытия...»

Сам А. П. Чехов докладывал в письме к своему издателю Н. А. Лей-







▲ *Новый памятник Антону Павловичу «слеплен», по-видимому, с известной фотографии мелиховского периода.*

◤ *Дом, где жил Чехов, замещая уехавшего в отпуск врача С. П. Успенского. Здесь же он и лечил жителей Звенигорода: в то время больница и квартира врача находились в одном здании.*

◀ *Больничный корпус, выстроенный в 1885 году (Чехов приезжал на его освящение). С тех пор больница разрослась, но и это здание используется по назначению.*

кину: «В настоящее время я нахожусь во граде Звенигороде, где волею судеб исправляю должность земского врача, упросившего меня заменить его на две недели. Полдня занят приемкой больных (30—40 человек в день, остальное же время отдыхаю или же страшно скучаю, сидя у окна и глядя на темное небо, льющее уже 3-й день нехороший, безостановочный дождь... Перед моим окном гора с соснами, правее дом исправника, еще правее паршивенький городишко, бывший когда-то стольным городом... Налево заброшенный крепостной вал, левее лесок, а из-за последнего выглядывает Савва освященный. Заднее крыльцо, или вернее задняя дверь, около которой воняет сортиром и хрюкает поросенок, глядит на реку».

И звенигородская квартира Чехова, и помещение земской больницы, где он работал, сохранились. Искать их нужно на улице Лермонтова, продолжающей улицу Красная Гора, это неподалеку от Городка. Мемориальные доски не дадут вам ошибиться. А еще в центре Звенигорода, на фоне нового то ли отеля, то ли ресторана (sapienti sat) поставили — точнее, посадили — новый памятник писателю.

Ершово

В трех километрах к северу от Звенигорода (выезжать следует как раз по улицам Красная Гора и Лермонтова, где мы только что были) находится бывшая усадьба Олсуфьевых Ершово. С 1624 года им владели Салтыковы. В 1764 году М.В. Салтыкова вышла замуж за А.В. Олсуфьева, и Ершово пошло за ней в приданое (впрочем, и после этой даты именно Салтыкова упоминается в документах как владелица села). Олсуфьевым Ершово принадлежало до революции.

Внук А.В. Олсуфьева Владимир Дмитриевич, участник войны 1812 года, впоследствии московский гражданский губернатор, а затем обер-гофмейстер наследника Александра Николаевича, выстроил в Ершове сохранившийся до наших дней барский дом, решенный в благородном стиле «московский ампир». Строительными работами в усадьбе



▲ *Храм Троицы Живоначальной в Ершове, восстановленный по сохранившимся чертежам в 1990-е годы.*

▼ *Дом Олсуфьевых окружен парком, многие из деревьев которого помнят свое «графское» прошлое. Помнят они и 1941 год: верхушки некоторых срезаны снарядами.*



руководил А. Г. Григорьев, москвичам известный как «завершитель» долго и мучительно строившегося Вознесенского храма у Никитских ворот («Большое Вознесение») и строитель Воскресенского храма на Ваганьковском кладбище. Кроме того, по его проектам выстроены дома №№ 11 и 12 на Пречистенке; в первом из них сейчас музей Л.Н. Толстого, во втором — А.С. Пушкина.

В Ершове Григорьев, помимо главного усадебного дома, возвел ампирную ярусную церковь, освященную во имя Троицы Живоначальной.

От Владимира Дмитриевича усадьба перешла к его сыну Алексею. У него гащивал время от времени приятельствовавший с ним А. А. Фет. Здесь он написал несколько стихотворений, в том числе — обращенное к супруге А.В. Олсуфьева, оканчивающееся известными строками:

Но безразлично, беззаветно
Власть Вам дана:
Где Вы царите так приветно, —
Всегда весна.

В марте 1917 года последний хозяин усадьбы полковник В.А. Олсуфьев вместе с семьей покинул Ершово (а затем и Россию, которую уже колотила революционная лихорадка), и спустя несколько месяцев усадьба со всей обстановкой безболезненно отошла «молодой советской власти». Сначала здесь — благо интерьеры сохранились в полной неприкосновенности — устроили музей помещичьего быта, а позже — дом отдыха железнодорожников. А с 1952 года отдыхать в Ершове стали работники атомной отрасли.

Троицкого храма к тому времени уже не существовало. Отступая от села 6 января 1942 года, фашисты заперли в церкви советских военнопленных и местных жителей и взорвали его. В 1990-е годы храм восстановили по сохранившимся чертежам Григорьева.

Сильно пострадал во время боев 1941—1942 годов и усадебный дом Олсуфьевых, а из 106 жилых домов в селе осталось всего 11.





▲ *Главный дом в усадьбе Введенское.*

◀ *Введенская церковь. Изначально колокольня и храм стояли отдельно друг от друга, лишь впоследствии их соединил крытый переход.*

Введенское

Примерно на том же удалении от Звенигорода, как Ершово, только к юго-западу, находится другая известная усадьба, считающаяся одной из самых красивых в Подмосковье. Попасть на ее территорию, правда, у вас, скорее всего, не получится: здесь находится санаторий мэрии Москвы; его насельники не любят «оборванной черни».

В свое время в усадьбе строился светлейший князь П. В. Лопухин, отец фаворитки Павла I Анны Лопухиной. Проект для него составил Н. А. Львов, в превосходных степенях отзывавшийся о расположении усадьбы. «Приложа, как говорят, руки к делу, — писал он своему заказчику, — место сие выйдет, мало есть ли сказать, лучшее из Подмосковных. Натура в нем все сделала, но оставила еще и для художества урок изрядный».

Спустя сто лет со Львовым охотно соглашался журнал «Мир искусства»: «По местоположению и величественности усадьбы это одно из самых красивых имений в Московской губернии. Вековая березовая аллея ведет к обширному двору, в глубине которого возвышается грандиозный двухэтажный с колоннами дом-дворец эпохи императора Павла. Дом стоит на высоком берегу Москвы-реки, и с величественной западной террасы с коринфскими колоннами открывается дивный вид на долину реки».

На протяжении XIX века усадьба часто переходила из рук в руки. В 1912 году, когда Введенским владели Гудовичи, деревянный дом постройки Львова разобрали, заменив его каменным (формы остались прежними). Усадебной Введенской церкви, возведенной в 1812 году по проекту Львова, эта перестройка не затронула.

Последний владелец усадьбы, граф А. В. Гудович, оказался не столь прозорлив, как Олсуфьев, и не успел заблаговременно уехать. В 1918 году его арестовали, в 1919-м — расстреляли.

Усадьбу Лопухиных-Гудовичей заняла художественно-ремесленная школа-колония. В 1920 году здесь открылся историко-художественный музей имени товарища Н. И. Троцкой (заведовавшей тогда отделом музеев Наркомпроса), переехавший затем в Звенигород. В итоге, уже в 1930-е годы, усадьбу занял санаторий, располагающийся в ней по сей день. Храм в 1935 году передали под зернохранилище. Сейчас, как говорят, он действует. Вот только для кого, если на территорию санатория «посторонним вход воспрещен»?



Дунино

С этой «подзвенигородской» деревней связаны последние годы писателя М. М. Пришвина. Именно ради него едут многие в это живописное, но относительно труднодоступное село. Да, именно труднодоступное. Хотя, как уже говорилось, Дунино находится неподалеку от Звенигорода, окрестности его так прочно и плотно застроены пансионатами и дачными поселками, что пробраться сюда не так-то просто.

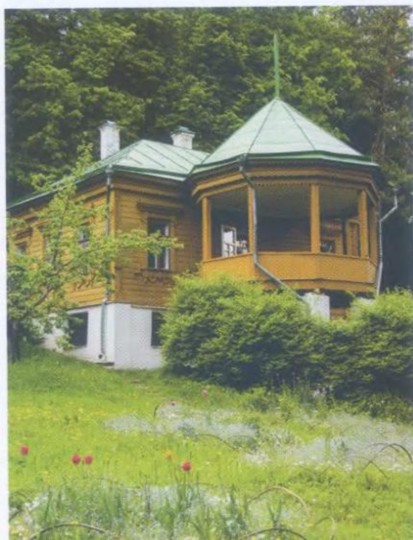
Между тем еще и до Пришвина Дунино было известным дачным местом. Дом, где расположен сейчас музей писателя, построен на рубеже XIX—XX веков и в первой половине XX столетия принадлежал семье Лебедевых-Критских. В 1941 году он оказался на линии фронта. Некоторое время в нем функционировал военный госпиталь, но долго устоять перед атаками вражеской артиллерии деревянное здание не могло. Пришвины (сам Михаил Михайлович и его жена Валерия Дмитриевна), отдыхавшие в 1946 году неподалеку, в санатории «Поречье», впервые увидели его в руинах. Так, в руинах, и купили.

Восстановив дом, Пришвины проводили здесь каждое лето, начинавшееся для них, самое позднее, в мае и заканчивавшееся в октябре. Осенью 1953 года Михаил Михайлович уехал отсюда в последний раз. В январе он умер.

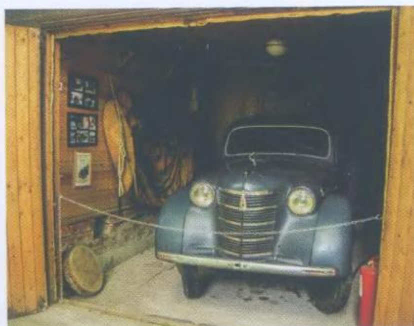
Его вдова владела дачей до своей смерти в 1979 году. Как и прежде, она приезжала сюда каждое лето, работала над подготовкой к печати рукописей мужа, принимала почитателей его таланта, сохраняла дом в том виде, в котором он запомнил Пришвина. Дом она завещала государству, и в 1980 году здесь открылся музей.

▲ *В последние годы в Дунине появился мемориальный комплекс, в составе которого воссоздана линия укреплений 1941 года и возведен деревянный храм Михаила Архангела.*

▼ *Дом Пришвина в Дунине с характерной для стиля «северный модерн», пришедшего в Подмосковье из финских дачных местечек, открытой семигранной верандой.*



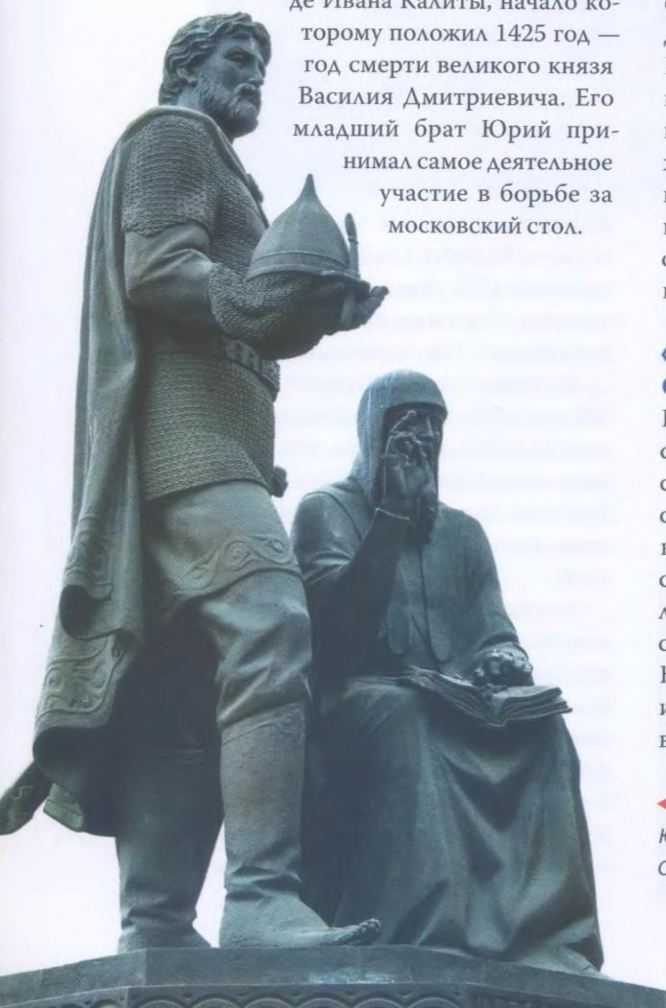
▼ *Автомобиль «Москвич», принадлежавший М. М. Пришвину.*



Сын Димитриев, крестник Сергиев

Годы, когда Звенигородом владел князь Юрий Дмитриевич, считаются его золотым веком. Именно тогда был выстроен собор Успения Пресвятой Богородицы на Городке.

К сожалению, о ранних годах князя Юрия Дмитриевича — то есть именно о том периоде, когда он княжил в Звенигороде, — известно очень мало. Гораздо больше подробностей мы знаем о долголетнем раздоре в гнезде Ивана Калиты, начало которому положил 1425 год — год смерти великого князя Василия Дмитриевича. Его младший брат Юрий принимал самое деятельное участие в борьбе за московский стол.



Однако — призываем сами себя к порядку — вернемся к моменту рождения князя. Он появился на свет в 1374 году, почти тремя годами позже своего старшего брата Василия, первенца Дмитрия Донского. Крестил его преподобный Сергий. Вот, собственно, все достоверные факты, что предлагает нам история. Дальше можно лишь домысливать. Насколько серьезным было духовное влияние Сергия Радонежского на своего крестника? Какие черты характера демонстрировал юный княжич? Как проистекало его воспитание? Воображение рисует самые смелые образы. Но можно ли полагаться на воображение?..

«Звенигород со всеми волостми...»

В 1389 году, умирая, Дмитрий Донской завещал Юрию «Звенигород со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и с бортью, и с селы, и со всеми пошлинами», а также благословил его «своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы». На великое княжение был поставлен им старший сын Василий, но далее в духовной грамоте без обиняков указывалось: «А по грехом, отъимет Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел». И впоследствии Юрий опирался на это указание отца (равно как и на всю, с Ярослава Мудрого пошедшую, традицию), ища московского престола.

Памятник — плод новейшего времени — Юрию Звенигородскому и прп. Савве Сторожевскому в Звенигороде.

Пока же он княжил в Звенигороде. К 1399 году (по другим источникам — 1395-му) относится его победительный поход на булгар, из которого он вернулся «со многой корыстью». Спустя год он женился — на дочери смоленского князя Юрия Святославича Анастасии, от которой имел троих сыновей. Звенигород Юрий Дмитриевич обустраивал, будучи одушевлен, судя по всему, некоторыми соперническими чувствами к старшему брату. На Городке появился Успенский собор, на горе Стороже — монастырь с каменным храмом Рождества Богородицы (как изящна перекличка двух посвящений — Рождеству и Успению Божией Матери).

Устраивать монастырь Юрий Дмитриевич пригласил преподобного Савву, ученика Сергия Радонежского, бывшего несколько лет после его кончины игуменом Троицкой обители. О характере отношений князя и прп. Саввы сложно сказать что-либо определенное. Наиболее смелые авторы прямо заявляют о том, что Юрий являлся духовным чадом Саввы. Возможно, так оно и было (почему бы, в самом деле, Сергиеву крестнику не бывать «на духу» у его ученика и не пользоваться его руководством?), но все же необходимо понимать, что это лишь наши «реконструкции», которые могут иметь нечто общее с исторической действительностью, а могут и не иметь.



▲ *Акварель А. Д. Кившенко «Преподобный Сергий благословляет Дмитрия Донского перед Куликовской битвой» (1880). Князя Дмитрия преподобный благословил, а его сына, князя Юрия, воспринял от купели.*

Начало междоусобицы

В 1425 году умер великий князь Василий Дмитриевич, оставив вдову, Софью Витовтовну, с малолетним сыном. Согласно лествичному праву (и завещанию Дмитрия Донского), на московский престол должен был взойти Юрий Дмитриевич. Но митрополичий боярин Акинф Аслебятев, явившийся в Звенигород в ночь с 27 на 28 февраля, звал Юрия в Москву столько же на похороны брата, сколько и для присяги отроку-племяннику. Юрий Дмитриевич «не восхоте сего», спешно собрался и уехал в отдаленный Галич (тот самый, благословленный ему отцом).

Из Галича князь Юрий отправил к племяннику и руководствовавшей его матери посла «з грозами» и начал собирать войско. Не дремали, однако, и на Москве. Здесь тоже сбирали рать, причем поддержку племяннику выказали другие его дядья — князья Андрей, Петр и Константин Дмитриевичи. Войско их дошло до Переяславля, и Юрий, еще не готовый к бою, бежал из Галича в Нижний Новгород. Ввиду погони (Юрия преследовал Константин Дмитриевич с дружиной) галичский князь перешел через реку Суру. На том дело в тот раз и кончилось — братья постояли друг напротив друга по разным берегам реки, и Константин возвратился в Москву, а Юрий — в Галич, откуда отправил великому князю предложение о перемирии на год. Но годовое перемирие, в течение которого Юрий Дмитриевич мог бы собрать большое войско, юного Василия II (а вернее — его мать и бояр) не устраивало. Нужен был прочный мир. Склонить к нему упрямого галичанина долженствовал митрополит Фотий. В Житии преподобного Паисия Галичского визит святителя описан очень благостно: «Фотий митрополит Московский ходил в Галичь ко князю Георгию Димитриевичю и благословил землю Галическую». На деле же все обстояло не так приятно.

К приезду митрополита князь Юрий постарался собрать со всего своего удела как можно больше людей, чтобы святитель видел, сколь много у него подданных (которые, как подразумевалось, легко могут обратиться в воинов), но Фотий такову встречу «в глум вмених себе» и сказал Юрию Дмитриевичу фразу, на многие века ставшую насмешливой характеристикой галичан: «Сыну! не видах столко народа в овчих шерстех» (имея в виду, что все «потенциальные воины», представленные его взору, суть сиволапые простолюдины и к ратному делу не годятся).

▼ *Саввино-Сторожевский монастырь — еще один объект приложения благочестивых усилий князя Юрия. Здесь им построен Богородице-Рождественский собор.*





Повод к ссоре был найден легко… Момент «срывания» Софьей Витовтовной пояса с Василия Косого на свадьбе ее сына Василия (пока еще не Темного) запечатлен на исторической картине Н. А. Дмитриева-Оренбургского (1837—1898).



В 1392 году Нижний Новгород был присоединен к Москве, но еще несколько десятилетий время от времени пытался обрести самостоятельность. И Москва посылала «усмирителей». Одним из таковых был Юрий Звенигородский, оставшийся в памяти нижегородцев как «добрый захватчик» («ничтоже зла сътвори», по выражению летописца).

«Не искати княжениа великаго собою…»

Как бы ни было, при посредничестве митрополита мир был заключен, однако мир довольно лукавый. А именно: князь Юрий пообещал «не искати княжениа великаго собою, но царем» (то есть подчиниться решению, которое по сему поводу примет ордынский хан).

Поездка князей в Орду состоялась только в 1431 году и, в общем, была для них обоих унизительна — хотя бы уже потому, что со времен Куликовской битвы русские князья старались не очень-то привлекать ордынцев к решению внутренних вопросов (а те смотрели на это сквозь пальцы). Княжеский спор в Орде решили в пользу Василия Васильевича. И, разумеется, это не только не примирило Юрия Дмитриевича с его участью, но еще более возгрело вражду между дядей и племянником. В 1432 году князь Юрий вновь затворился в Галиче, а это не предвещало для московского князя ничего доброго.

Случай к новой вражде представился вскоре. В начале февраля 1433 года в Москве праздновали свадьбу Василия II с Марией Ярославной, внучкой князя Владимира Андреевича Храброго. На этой-то свадьбе и произошла небезызвестная история с поясом, который сорвала Софья Витовтовна с Василия Косого, сына Юрия Дмитриевича. Юрьевичи (на свадьбе присутствовал также и второй его сын, Дмитрий Шемяка) были оскорблены до крайности. А кстати подоспели из Галича и послы, которые передали молодым князьям отцов наказ — возвращаться домой. Отец и сыновья собрали войско, и на реке Клязьме, в двадцати верстах от Москвы, состоялся бой, принесший Василию II поражение. Василий вместе с женой и матерью бежал в Тверь. Юрий Дмитриевич стал великим князем. В удел племяннику он дал Коломну и отпустил его туда со всеми боярами. Но уже спустя малое время Коломна сделалась станом оппозиционеров — ибо в этот город бежали к свергнутому Василию II все, кто был недоволен новым великим князем. А недовольных находилось много, поскольку, как замечает летописец, люди «не повыкли галичьским князем служити» (странная, вообще-то, формулировка, заставляющая подозревать ее автора в ангажированности).

В довершение всего князя Юрия оставили его сыновья — Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Они убили отцовского любимца боярина Семена Морозова, считая его виновником всех бед (именно Морозов упросил Юрия дать племяннику в удел ближнюю Коломну), и сбежали в Кострому. Чувствуя, что трон под ним



▲ *Гора Балчуг в Галиче Мерьском, где находилась древняя крепость, в итоге захваченная Василием II.*

зашатался, Юрий Дмитриевич сам пригласил Василия II вернуться на великое княжение. За себя и за младшего сына Дмитрия Красного он обязался не оказывать поддержки старшим сыновьям и удалился в Галич.



▲ *Василий Темный. Миниатюра из Царского Титулярника.*

Спустя малое время, все в том же 1433 году, на реке Куси состоялась битва между войском, посланным Василием II, и отрядами старших Юрьевичей. Военная удача была вновь на стороне последних, а Василий, разузнав, что вместе с Дмитрием Шемякой и Василием Косым сражались многие люди Юрия Дмитриевича, решился наказать дядю. В 1434 году он разорил Галич, «тогда же взя и чюдотворную икону Пречистыя Богородицы, зовомую Овиновскую, со златою утварию» и вернулся в Москву.

Самого Юрия в тот момент в Галиче не было — узнав о приближении племянника, он скрылся на Белоозере. Возвратившись в Галич, он тут же послал за сыновьями и вместе с ними выступил в поход против Василия II. В бою, случившемся между Ростовом и Переяславлем, великий князь опять был разбит и бежал в Великий Новгород (а оттуда через Мологу и Кострому — в Нижний). 1 апреля 1434 года Юрий Дмитриевич уже взял Москву. А 5 июня — скончался.

Два младших его сына, два Дмитрия, находились в это время в погоне за Василием Васильевичем. Весть о кончине отца настигла их во Владимире. Ее прислал старший брат — Василий Косой, уже успевший вступить «по отце» на великокняжеский престол. Но «молодшие» ответили ему: «Если Бог не захотел, чтобы княжил наш отец, то тебя-то мы и сами не хотим». И вскоре, объединившись с кузеном, которого только что хотели преследовать, прогнали Василия Косого из Москвы. Василий Васильевич вновь стал великим князем. Междоусобица на этом, однако, не кончилась. Но Юрий Дмитриевич в ней уже не участвовал.



Паисий Галичский и Димитрий Красный

В то время как Галич стал центром оппозиции Василию II, здесь, в подгородном Успенском монастыре, славившемся чудотворной Овиновской иконой Божией Матери, подвизался преподобный Паисий Галичский. Являясь игуменом обители, столь же значимой для Галича, сколь значим был Саввино-Сторожевский монастырь для Звенигорода, прп. Паисий оказывал определенное влияние на общественно-политическую ситуацию. Правда, о его взаимоотношениях с князем Юрием Дмитриевичем ничего не известно, но зато мы знаем, что близок к преподобному был младший сын Юрия, Дмитрий Красный (1421—1441), прославленный ныне как местночтимый святой. Этот юноша, умерший в цветущем возрасте, имел, согласно тексту Жития прп. Паисия, благочестивые склонности, со всей искренностью почитал галичского игумена и много помогал ему. «Общее житие» в своей обители преподобный устроил, «имея себе помощника князя Димитрия Георгиевича». Прп. Паисий, в свою очередь, стал душеприказчиком юного князя.



Рака преподобного Паисия в Паисиево-Галичском Успенском монастыре. Дмитрий Красный упокоился, согласно своему последнему желанию, рядом с отцом в Архангельском соборе Московского Кремля.

Реставрация

Успенский собор на Городке дождался, наконец, своего часа: впервые здесь проводится полномасштабная научная реставрация.

Закрытый перед войной, с 1946 года Успенский собор вновь стал действующим. На протяжении XX века он не раз исследовался, проводились и реставрационные мероприятия. Но первой реставрацией, которую в полном смысле слова можно назвать научной, проводится на памятнике именно сейчас. Она началась в 2009 году с замены окон в барабане собора. Рамы, установленные, судя по всему, еще в конце XIX века, за сто лет настолько обветшали, что превратились в труху, когда их стали вынимать.

Спустя недолгое время реставраторы приступили к очистке белокаменных резных деталей на фасадах собора. Еще Б. А. Огнев отмечал: «Большой пояс (имеется в виду орнаментальный пояс на южном, западном и северном фасадах. — *Прим. ред.*) неоднократно подвергался побелке… Побелка совершенно забивала рисунок пояса и местами делала его почти неразличимым. Произведенная нами пробная расчистка на маленьком участке пояса… показала, что под позднейшими грубыми слоями сохранился слой очень аккуратной побелки непосредственно по камню… По своему составу этот слой напоминает тщательно приготовленный фресковый левкас. Очень возможно, что эта побелка современна постройке здания и была нанесена на только что законченную резьбу как защитная корка для предохране-

Светлая Пасхальная заутреня в Успенском соборе.





▲ *Реставраторы восстанавливают первоначальные окна алтарных апсид.*

ния ее от воздействия атмосферных осадков».

Кроме того, выполняется восстановление изначальных окон, декоративных элементов входных порталов, водосточные трубы заменяются на медные. Ставят своей целью реставраторы и воссоздание позакомарного покрытия Успенского собора. Одновременно исследователи получают уникальную возможность подробно изучить памятник, произвести его тщательный обмер.

Тревожную ноту вносит в реставрационный процесс расположение собора: гора, на которой стоит он, имеет в своем основании мощный водоносный слой, то есть, фактически, бомбу замедленного действия, угрожающую и самому собору, и всему городищу. В 2010 году уже произошел серьезный обвал, и в дальнейшем холм не застрахован от подобных происшествий.

Тем не менее реставрация идет своим чередом. Своим чередом идет и приходская жизнь. Большая часть богослужений совершается в новом Богоявленском храме, чтобы максимально снизить нагрузку на древний памятник, хотя бы в период его реставрации. При храме действует воскресная школа для детей (есть младшая, средняя и старшая группы).

Справочная информация

В будние дни собор Успения Пресвятой Богородицы на Городке открыт с 10:00 до 14:00 (летом до 17:00), в субботу — с 10:00 до 18:00, в воскресенье — с 10:00 до 17:00. Богоявленский храм открыт ежедневно с 10:00 до 14:00 (или до окончания вечернего богослужения). Расписание богослужений уточняйте на сайте собора.

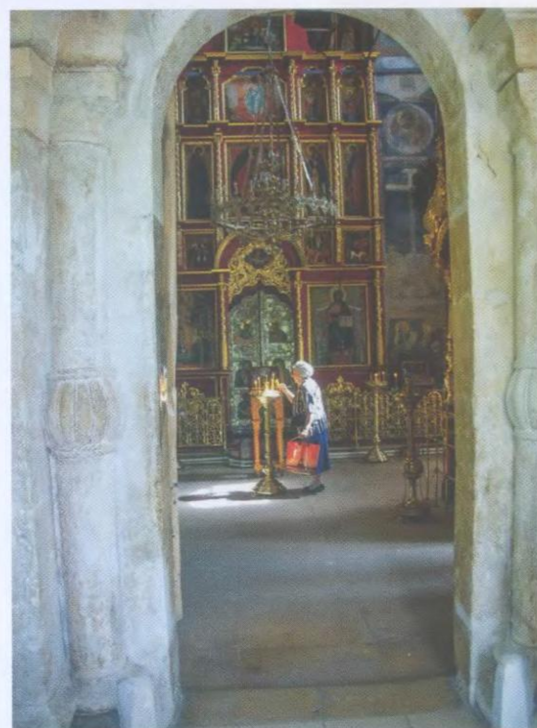
Контакты

Адрес: 143180, Россия, Московская обл., Одинцовский р-н, г. Звенигород, ул. Городок, д. 1
Сайт Успенского собора: www.zvensobor.ru

Как добраться

От Москвы до Звенигорода добраться проще всего (и, кажется, всего быстрее) на электричках, отправляющихся с Савеловского или Белорусского вокзала. Далее, от станции Звенигород, надо взять автобус № 23 до остановки «Связист», пройти пешком около двухсот метров до родника и подняться в гору по ступеням.

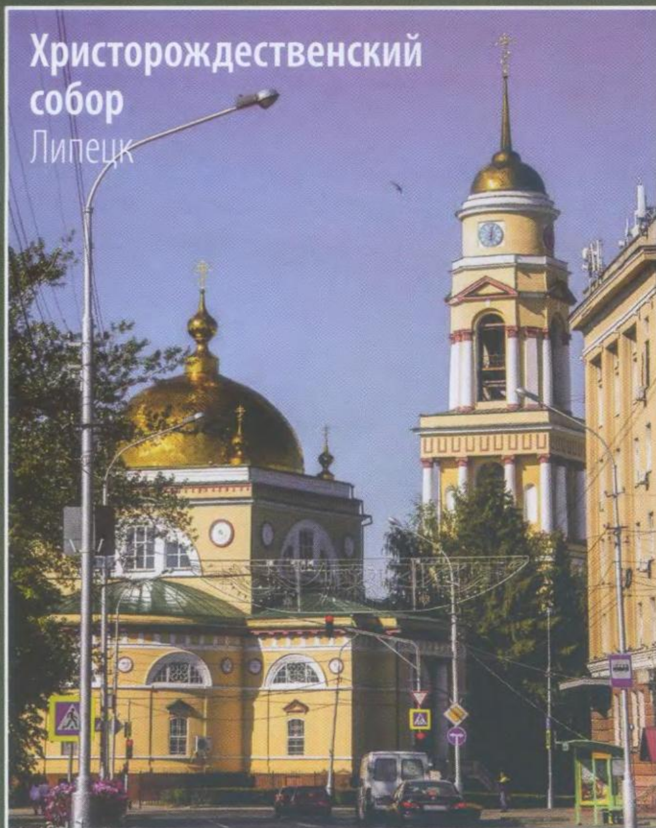
На машине выезжайте из Москвы по трассе М9, затем поворачиваете налево, на Московское малое кольцо («бетонка» в просторечии) и едете до Звенигорода. В город лучше въезжать по Московской улице. Двигаясь по ней, не пропустите поворот направо, на улицу Красная Гора. Именно она вам нужна.



▶ *Добро пожаловать в храм!*

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

Христорождественский собор, Липецк



Ансамбль липецкого соборного храма в честь Рождества Христова сооружался в общей сложности около полувека и в итоге вырос в типичный для первой половины XIX столетия комплекс с основным храмом (об авторстве которого до сих пор идут споры), трапезной и ярусной колокольней. Типичен он был, впрочем, для губернских городов, а Липецк таковым не являлся.

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ!

16+